

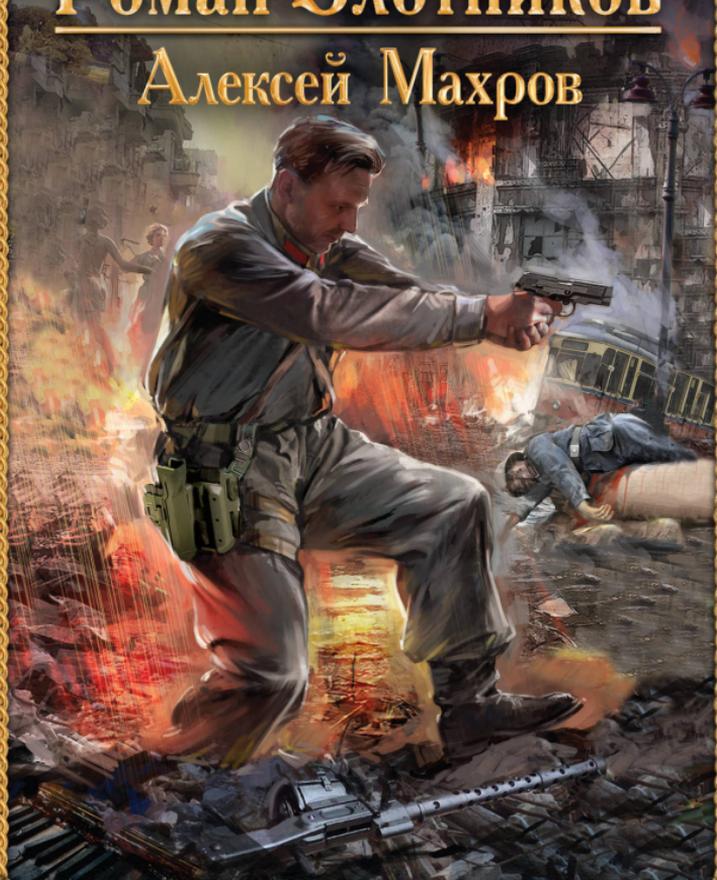

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

Министерство внутренних дел Российской Федерации

РОМАН ЗЛОТНИКОВ

АЛЕКСЕЙ МАХРОВ

ГОЛОС
ВОЖДЯ

Алексей Михайлович Махров
Роман Валерьевич Злотников
Голос вождя
Серия «Дорога к Вождю», книга 4

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34115110

Голос вождя: Эксмо; Москва; 2018

ISBN 978-5-04-093982-4

Аннотация

«Перезагрузка» вернула Виталия Дубинина в будущее. Информация, переданная им Сталину, в корне поменяла ход истории. Великая Отечественная закончилась на два года раньше, Советский Союз выстоял. Только вот Третьей мировой, где бывшие союзники стали врагами, избежать не удалось. Однако Красная армия все-таки расписалась на стенах Капитолия. И все-таки по возвращении в наше время Дубинин узнал, что его друг генерал Валентин Петрович Бат... погибнет в далеком 1941 году, а допустить этого никак нельзя...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	38
Глава 3	47
Глава 4	88
Конец ознакомительного фрагмента.	96

**Алексей Махров,
Роман Золотников
Голос вождя**

© Злотников Р.В., Махров А.М., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

7 сентября 2015 года, Белорусская ССР, Минск

Я просыпался не сразу, а будто по частям. Сначала зашевелились мои нижние конечности. Вяло так зашебуршились, поворачивая тело в положение «на боку». Потом ожила рука, пошарила по лицу, наткнулась-таки на зверски зудевший нос и почесала орган обоняния.

Лишь после этого пробудился мозг, мигом напоминая о вчерашней пьянке – голова просто раскалывалась. Вроде и пил только самое дорогое, следовательно, качественное, вот только кто бы еще и следил за мной, чтобы не мешал водку с шампанским? Или что там было налито?..

А я помню?

Щурясь на свет из-за отдернутой шторы, я откинул одеяло и сел на край огромной кровати. Настоящий сексодром.

Я обернулся. Ну разумеется...

Рядом лежала женщина, до пояса укрытая уголком одеяла. Впрочем, одна нога высывалась «на улицу» – длинная, стройная. Ну, хоть так, а то притащил бы по пьяни какую-нибудь крокодилу. Бывали прецеденты, да...

Опершись на руку, я сфокусировал взгляд на своей подруге. Большие точеные округлости... Плоский живот... Гладкие руки... Изящная шея, исцелованная, кстати... Симпатичное лицо...

Впечатляла, впрочем, не внешность женщины, а ее ухоженность. Спутнице моей явно далеко за тридцать, но заметить это можно только по крохотным морщинкам возле уголков глаз. А чтобы настолько успешно противостоять времени, требуется немало сил и денег.

Я вздохнул и натянул трусы, валявшиеся на половичке. Ручной работы, между прочим! Не трусы – половичок.

Я же не просто номер снимаю в «Славянской», я тут живу. В люксе! Ага... Деньги девать некуда.

Негнушмиися пальцами я подобрал с пола рассыпанные визитные карточки, белые с золотом – «Виталий Дмитриевич ДУБИНИН, первый заместитель председателя коммерческого общества с государственным участием «Гидромаш». Это «по-нашему» вице-президент госкорпорации. Не хуры-мухры...

Кто бы еще сыпанул визитками женщины, которая со мной спала...

Мрачно поглядев в роскошное зеркало, как писал Маяковский, «в стиле Луев», я обнаружил там растрепанного и помятого мужика. Алкоголика.

Хулигана, тунейдца...

Поднявшись, я прошлепал в столовую. Там на резном буфете из вишневого дерева блестела хромом кофемашинка «Рекорд-2315». Нажав кнопку, я добился того, что агрегат забулькал, зашипел ароматным паром, нацеживая стаканчик двойного эспрессо, который здесь называется «Крымским».

Раньше я поправлял здоровье бутылочкой пива, но быстро понял, что это первый камень дороги, ведущей к запою.

Раньше...

Я скривился так, будто лимоном закусил. Ровно месяц назад по моему счету, 8 августа 1941 года, я опять погиб – гаубичная граната рванула прямо у моих ног. Прошла очередная «перезагрузка»...

Умирать впервые было страшно, хотя смерть наступила мгновенно, а вот в четвертый раз... Или даже в пятый? Сбился со счета... Ну, не то чтобы я привык, но смирился – видать, той «космической силе», которая забрасывает меня к товарищу Сталину, да никак не добросит, нужен живой «комиссар Дубинин».

Душевный парадокс, но самое неприятное для меня после крайнего «воскрешения» заключалось в том, что все мои желания сбылись, а мечты исполнились.

В этом мире война закончилась весной 43-го, Сталин дожил до 68-го, а СССР не распался до сих пор.

Покопавшись в Сети, я выудил две причины того, что держава выстояла. Во-первых, тут обошлось без «холодной войны», зато в 1949-м грянула Третья мировая, и наши фронтовики, однажды уже расписавшиеся на Рейхстаге, нацарапали свои имена и на Вестминстерском аббатстве, и на Капитолии. То есть проверить тот вариант с Бреттон-Вудским соглашением и долларом, ставшим мировой валютой, позволившим расплачиваться за все ресурсы мира крашеной бу-

магой, америкосы не смогли. А во-вторых, те материалы, которые я так усердно подбирал, похоже, тоже сыграли свою роль. И страна в этой реальности не скатилась к маразму зарегулирования всего и вся под трескучими лозунгами, в которые люди уже не верили, и сейчас представляла собой вполне, на мой взгляд, симпатичную помесь между Китаем и Швецией. То есть богатые – есть, но налоги, штрафы и пени платятся как процент от капитала. Единственная разница – наследственных династий миллиардеров нет. И не потому, что это как-то запрещено. Нет, так-то миллионеров и миллиардеров хватало, в том числе и идейных коммунистов, отстегивающих кроме обычных налогов еще и немалые деньги в виде партвзносов. Но все – в первом поколении. То есть, как правило, это были люди, лично придумавшие какую-то производственную технологию или новый вид сервиса и сумевшие успешно воплотить свои задумки в жизнь... Все дело в том, что налог на наследство стоимостью выше ста тысяч рублей очень даже велик – треть от имеющегося. А выше миллиона – половина. Причем рубли тут довольно весомые. Почти как те, советские, которые я помнил. «Волга», например, одиннадцать тысяч рубликов стоит. А местные «Волги» – вполне приличные машины, у самого такая есть. Может, и не на уровне «Мерседеса», но уж точно не хуже тех же «Пежо» или «Тойоты». В принципе и такие налоги не слишком высокая преграда. Если ты умный, так же как и твой отец, то восстановишь отданное довольно быстро.

Продолжай его дело – и все придет. Но, судя по тому, что я прочитал в Библиотеке¹, детки богатых родителей, как правило, предпочитали отдать в качестве налогов именно доли в созданных и раскрученных отцами предприятиях, зато сохранить машины, особняки, яхты и деньги на счетах. И ведь все пионерами были, а кое-кто и комсомольцами, но как до денег дорываются – так крышу и сносит... Ничего, блин, не меняется в людских головах!

Прихлебывая горячий кофе, я с тоской глядел на электронный календарь, мерцавший на стене.

Седьмое сентября.

Именно сегодня, только в далеком 1941 году, погибнет мой товарищ и друг. Генерал-майор бронетанковых войск РККА, командир 1-й гвардейской танковой дивизии Владимир Петрович Бат. Он получил Звезду Героя за разгром дивизии Моделя в окрестностях Ленинграда, а 5 сентября 1941-го, когда 2-я танковая группа Гудериана прорвалась к Минску, 1-ю гвардейскую бросили на ликвидацию прорыва. И через два дня, во встречном танковом бою, генерал-майор Бат пал смертью храбрых...

А я как озверел – раз за разом пытался «провалиться» в прошлое – спасти Батоньча, уберечь, предупредить хотя бы! На «перезагрузку» без моего присутствия я не надеялся.

Я наплевал на свою новую работу и высокую должность, даже зарплата, исчисляемая в миллионах, меня нисколько не

¹ Библиотекой в «мире СССР-2015» называется аналог Интернета.

прельщала.

Только и забот у меня было, что готовиться к очередной «командировке в прошлое» – купил новую машину, тюнингованную БРДМ² с мягким салоном и прочими прибабасами, лишь КПВ³ из башенки пришлось изъять. Тут таких полно бегают – мужики, которые побогаче, расхватывают списанную после многолетней консервации военную технику. И бронев автомобили берут, и БТРы. Мода такая, brutальный стиль «милитари».

Форму себе военную заказал с привычными комиссарскими звездами на рукавах, взамен испорченной, убитой «в ноль» за время месячного блуждания по лесам. Оружие прикупил, парочку «Грачей»⁴, по одной штуке СВД и СВТ⁵ – здесь пистолеты и самозарядные винтовки в свободном доступе, всего лишь надо в магазине предъявить паспорт, а пробить покупателя по базам данных МВД на предмет несудимости и Минздрава по поводу алкоголизма и шизофрении может специальная программа, установленная чуть ли не на кассе. Что интересно – при предъявлении партбилета проверка вообще не проводится. Насобираю несколько ящиков,

² БРДМ – боевая разведывательно-дозорная машина. Реально совершенно официально продается сейчас прямо с армейских складов.

³ КПВ – крупнокалиберный пулемет Владимирова.

⁴ Пистолет Ярыгина «Грач» (индекс ГРАУ – 6П35) – самозарядный пистолет российского производства под патрон 9x19 (Парабеллум).

⁵ СВД – снайперская винтовка Драгунова, СВТ – самозарядная винтовка Токарева.

общим весом под двести килограммов, документов и чертежей, никому не нужных в 2015-м, но жизненно важных для 1941-го.

Боже ж ты мой...

Вздохнув, я откинулся на спинку стула, едва не треснувшись затылком об стену, и уставился на расписной потолок.

Пару раз я в своем навороченном бронированном драндулете выезжал к «линии фронта» – бесполезно. Но русские ж не сдаются!

И тогда я вообще переехал в Минск, чтобы не тратить время на заезды аж из самой Москвы. «И че? А ниче!»

После четвертой безуспешной попытки «провалиться» в прошлое, до меня стало доходить: без проверенного алгоритма действий «звонок от Сталина – поездка к линии фронта – провал» ничегошеньки не выйдет.

Не попаду я к Володьке, не спасу друга, хоть ты убейся!

Нет, фигней, то бишь суицидом, я маяться не стал. А просто ушел в запой, по старой национальной традиции. Ну не понимал я, как восстановить этот алгоритм! Не звонит мне товарищ Сталин – хоть ты тресни! Так что пришлось идти по проверенному варианту: если сам ничего не можешь поделать – откупоривай пол-литра. Проблему не решишь, конечно, так хоть горе зальешь...

Колян, в смысле личный помощник Бата, первые дни названивал из центрального офиса, но быстро отстал, поняв, что толку от меня как с козла – молока. Так что вчера все в

очередной раз пошло по накатанной. Вот только откуда взялась эта ухоженная краля в моей постели – я, хоть убей, не помнил. В предыдущие дни ничего такого точно не было...

Криво усмехнувшись, я допил остывший кофе и осторожно, чтобы не звякнуть, поставил чашечку на блюдце. Тонкая работа – Ленинградский фарфоровый завод, не абы как – у нас его после развала Союза снова переименовали в Императорский⁶.

Глубокомысленно поглядев на посуду, я аккуратно перевернул чашку вверх дном. Финита ля трагедия. Аллес капут.

– Доброе утро, – послышался приятный женский голос. Его так и тянуло назвать волнующим.

Я поднял голову и увидел незнакомку, разделившую со мной ночь.

Женщина натянула на себя мою рубашку, закатав рукава. Пуговицы были застегнуты, но темные кружки сосков проглядывали сквозь тонкую ткань, а ножки и вовсе не спрячешь.

– Доброе утро, – сказал я, пытаюсь совладать с внезапным приступом вожделения. – Извини, не помню, представился ли я вечером. На всякий случай – Виталий.

– Светлана, – ослепительно улыбнулась дама. – Честно говоря, у меня самой провал в памяти. Что-то я вчера... переборщила с выпивкой. Ты не думай, я редко так... напиваюсь.

⁶ Императорский фарфоровый завод (ИФЗ) – первое в России предприятие по производству изделий из фарфора. Основано в 1744 году. С 1925 года носило название Ленинградский фарфоровый завод имени М.В. Ломоносова (ЛФЗ). Снова переименовано в ИФЗ в 2005 году.

Собственно, вчера был первый раз... Да и с незнакомыми мужчинами...

Светлана несколько нервно усмехнулась и отвела глаза, сделав вид, что очень занята пуговками на подоле рубашки. Так, похоже, что она к профессионалкам «постельного сервиса», «девушкам с пониженной социальной ответственностью» отношения не имеет. Интересно, а как у нас все прошло? Вот ни хрена ж не помню... обидно!

– Тогда предлагаю искупнуться в душе и поесть, – бодро сказал я. – Кто за? Кто против? Воздержался?

– Я – за! – подняла руку Светлана. – Только, чур, я первая в душ!

– Тогда я закажу завтрак, – согласился я.

– Что-нибудь легонькое, пожалуйста.

– Бу-зде.

Светлана ушла. Вид сзади был не хуже. Вскоре в Мраморной ванной ударили струи воды.

Я позвонил, сделал заказ и отправился в Малахитовую ванную – в моем номере было три сан-узла. Правда, чисто малахитовой ванную комнату назвать было нельзя, из чудесного зеленого минерала были выточены лишь полочки и раковина, но я не придирчив.

Распарившись под горячим душем, я переключил кран на ледяную воду. Промерз и вновь согрелся. И протрезвел. Во всяком случае, хмель ушел, и башка стала варить лучше.

Накинув пушистый белый халат и причесавшись перед

зеркалом, я почувствовал себя как выздоравливающий после долгой хвори. Даже надежды неясные затеплились, идейки закопошились.

С гигиеной я закончил вовремя – в дверь как раз негромко постучали. Шлепая тапками, я пошел открывать, и официантка в кокетливом передничке вкатила в номер тележку с тарелками, накрытыми серебряными крышками.

Дежурно улыбнувшись, она мигом сервировала стол и удалилась, пожелав приятного аппетита.

А тут и Светлана показалась. Она тоже была в белом гостиничном халате, который, впрочем, не столько скрывал, сколько открывал ее «прелести». Спокойно улыбнувшись мне, она склонила голову и принялась расчесывать длинные мокрые волосы. Блин, прям семейный завтрак у нас получается... И вот ведь интересно, явно для нее ситуация тоже несколько... м-м-м... непривычная. Есть некоторые явные признаки... волнения. Но ведь покерфейс держит, как наш «молчи-молчи»⁷. Молодец! Сильный характер.

– Чай? Кофе? – галантно поинтересовался я.

– Пожалуй, чай.

Намазав тост маслом и щедро добавив икры, Светлана аккуратно взяла свой бутербродик. Она ела очень красиво, изящно жуя и прихлебывая. Я рядом с ней выглядел грубым, неотесанным мужланом.

– Света, я хочу прогуляться на свежем воздухе, вроде бы

⁷ Жаргонное название офицера военной контрразведки.

и погода радует – солнечно, как летом. Ты не желаешь составить мне компанию?

– Вот как... – усмехнулась Света. – Я, пожалуй, склонна рассмотреть это предложение как комплимент. Не подсказешь, что же я такого творила ночью, что ты решил продолжить наше знакомство? А то я, честно признаться, не очень хорошо помню последние часов восемь...

О как! Да, действительно сильная личность. Но именно это меня в ней и привлекло. Не люблю пустышек. Как бы сногсшибательно они ни выглядели...

– Ну-у-у... если честно, у меня тоже с памятью того... – несколько смущенно начал я. – Так что никаких... э-э-э... пикантных подробностей можешь от меня не ждать. Просто... ну-у... ты мне понравилась. И как женщина, и как человек. Поэтому я решил – почему бы не продолжить знакомство?

– И когда же это ты успел узнать меня как человека? – усмехнулась Светлана.

– Да вот прямо сегодня утром и узнал! – широко улыбнулся я. – Хотя, конечно, еще не до конца. Но я готов и дальше работать в этом направлении. Ну так как? Присоединишься?

Света задумалась. А затем осторожно предложила:

– А может, сразу за город рванем? Я такое замечательное место знаю под Воложином – заказник ведомственный, красота почти как в Беловежской пуще, даже собственные зубры имеются!

Хм, похоже, она пока не готова гулять со мной по городу, в котором точно могут встретиться ее знакомые. А вот продолжить общаться, судя по всему, не против. И это меня почему-то обрадовало. Поэтому я воодушевленно рубанул рукой:

– Согласен!

Мы быстро позавтракали, исподтишка бросая друг на друга оценивающие взгляды, пока в один из моментов эти взгляды не встретились. Пару мгновений мы молча пялились друг на друга, а затем одновременно прыснули.

– Я скоро, – сказала Светлана, поднимаясь из-за стола. – В гардеробной есть уют? – Она несколько ехидно улыбнулась. – А то кое-кто сорвал с меня блузку, скомкал ее и запихал под подушку!

– Я исправлюсь, – ответил я ей с выражением кота, наевшегося сметаны.

Светлана не обманула, она очень быстро оделась и накрасилась – немного теней, розовая помада, капелька духов. А свои волосы цвета соломы она заплела в толстую косу, открывая длинную, лебединую шею – и сбрасывая в возрасте сразу лет десять-пятнадцать.

Мы спустились на цокольный этаж, где располагалась стоянка, и я открыл перед дамой правую дверцу «Волги», моего «гражданского» авто.

Это был внедорожник «ГАЗ-3119», смахивавший на памятный мне «Фольксваген Туарег», только основательней

немецкого «das auto» – кузов на раме. Да и в целом покруче – трехлитровый дизель с двойной турбиной, позволяющей с легкостью менять режимы – от «тракторного» до «гоночного», усиленная пневмоподвеска, широкие шины с автоподкачкой. Ну и само собой – кожаный салон с кучей гаджетов отечественного производства под марками «Горизонт» и «Электроника», пользоваться которыми я пока не научился. Весьма престижный автомобиль. Но почему-то на Светлану он произвел не то впечатление, на какое можно было надеяться. Увидев машину, она как-то притормозила, а между ее бровей возникла едва заметная горькая складка. Но затем она решительно тряхнула головой и с легкой улыбкой гибко скользнула на переднее сиденье. Я обошел широкий капот и плюхнулся за руль.

Двигатель взревел на солидных низких нотах. Немного погнав его на разных оборотах, я тронулся с места и выехал на улицу.

Надежды с идеями еще не покинули меня, но все было так смутно и неочевидно, что я попросту не знал, что же мне делать.

Я и к зубрам-то согласился ехать лишь для того, чтобы по дороге сориентироваться, дожидаться проблеска интуиции, найти хоть какой-то выход из того тупика, в который угодил.

Пересекая МКАД⁸, я вспомнил Московскую кольцевую, взгрустнул мимоходом и покатил дальше, выезжая за город

⁸ МКАД – минская кольцевая автомобильная дорога.

по трассе М-6 курсом на Воложин. Именно этой дорогой я проезжал на своем «бардаке»⁹ добрый десяток раз, пытаясь «провалиться в прошлое».

Мы довольно долго ехали молча. Светлана время от времени бросала на меня непонятные взгляды, как будто на что-то решалась, но никак не могла решиться. А потом вдруг неожиданно попросила:

– Виталий, извини, но я передумала ехать в заповедник. Если тебе нетрудно, отвези меня обратно в город. Можешь высадить на первой же остановке городского электробуса.

– Ладно, – озадаченно сказал я и стал искать подходящую развязку для разворота. И в этот момент в Светиной сумочке закурлыкал телефон, выдавая местный, в «моем» времени неизвестный, хит: «Я с тобой была-а, я тебя звала-а, я тебя хоте-ела – и ждала-а... Любила – не любила, бросила, забыла!»

Выудив тонкую пластину смартфона, женщина сморщила носик – определитель номера вывел на экран имя абонента: «Козел».

– Это мой бывший! – скривившись, словно ее настиг приступ сильнейшей зубной боли, пояснила Светлана. – Давно хочу занести его номер в черный список, а то назначил меня своей «жилеткой», повадился плакаться о своей загубленной жизни, о тщете всего сущего, но жалею придурка – все-таки

⁹ «Бардак» – сленговое название БРДМ (боевой разведывательно-дозорной машины).

пятнадцать лет вместе прожили...

Женщина мазнула пальцем по плашке «Ответить» и поднесла сотовый к уху, свободной рукой откидывая прядь волос.

– Ну, говори, ученая птица! – поприветствовала она собеседника фразочкой из старого мультика.

Но тут из динамика пророкотал хорошо знакомый мне голос вождя:

– Кто это? Кто говорит?!

Светлана оторвала телефон от уха и недоуменно уставилась на экран, а в следующее мгновение взвизгнула и вцепилась в ручку двери. Потому что я резко затормозил и свернул на обочину.

– Как это – кто? Я! Вы вообще по какому номеру звоните? – возмутилась женщина, недоуменно глядя на меня – мол, что за непонятные маневры.

– Простите, милая барышня! – Голос Сталина смягчился. – А нет ли рядом с вами товарища Дубинина? Виталия Дмитриевича?

Левой рукой выворачивая руль, правой я выхватил смартфон у ошарашенной женщины.

– Да, да, товарищ Сталин, Дубинин на связи! – торопливо сказал я.

Не передать, какое же я испытал облегчение и радость!

– А, здравствуйте, товарищ Дубинин, – тепло поздоровался вождь. – У вас все в порядке? Мне кажется, вы чем-то

взволнованы...

– Да, в общем, все в порядке товарищ Сталин, – уже спокойнее ответил я. – Общая ситуация в целом выглядит лучше, чем было раньше – война закончилась в 1943 году, потери сократились в четыре раза, СССР устоял, компартия сохранилась. В стране свободный рынок, но под полным контролем государства. Все бы хорошо, но в 1949 году наши союзники стали противниками – и началась Третья мировая война, длившаяся десять лет.

– А кто победил, товарищ Дубинин? – осторожно спросил Иосиф Виссарионович.

– Мы победили, товарищ Сталин! Мы всегда побеждаем – традиция такая! И Лондон взяли, и Вашингтон.

Чувствуя, как от нервного напряжения деревенеют мышцы, я медленно откинулся на спинку сиденья. Посмотрел на спутницу – Светлана в шоке уставилась на меня и, похоже, собиралась что-то спросить. Но я приложил палец к губам: молчи.

– То, что ми победили – это, конечно, хорошо, товарищ Дубинин. Но вот то, что следующая война случилась так быстро – это плохо. Страна же ведь не успела восстановиться?

– Да, это так, – со вздохом ответил я.

– Тогда... я рассчитываю на то, что вы сможете собрать необходимые материалы, которые позволят нам предотвратить такое развитие событий.

– Да, конечно... товарищ Сталин! У меня к вам огромная просьба! – почти выкрикнул я, глянув на часы. – Генерал-майор Бат сейчас под Минском, бодается с Гудерианом. Примерно через час тяжелые танки 1-й гвардейской сойдутся лоб в лоб с основными силами 2-й Панцергруппы. И Володька погибнет, сгорит со всем своим экипажем. Пожалуйста, предупредите его! Пусть на рожон не лезет – с командного пункта атакой тоже можно управлять!

– Хорошо, товарищ Дубинин. Обязательно предупредим! Не буду вас больше отвлекать. До свиданья.

– До свиданья, товарищ Сталин...

Обессиленно откинув голову на подголовник, я тут же встрепенулся и передал смартфон хозяйке.

– Что это было? – напряженным голосом спросила Светлана.

– Разговор с товарищем Сталиным, – ответил я, трогаясь и при этом лихорадочно вспоминая, что и как у меня упаковано в «бардаке». Про Третью мировую войну там было довольно много. Как и про те технологии, которые могут помочь если не избежать ее, то хотя бы быстрее задавить американский флот. Основной причиной того, что эта война продолжалась так долго, было то, что в 1949-м американцы на несколько голов превосходили нас на море...

– С каким еще Сталиным? – Голос у женщины позванивал, но это была не истерика, как я уже успел убедиться, нервы у нее отличались завидной крепостью.

– С Иосифом Виссарионовичем.

Я не видел смысла соблюдать секретность, раз уж Светлана все слышала. Да и не до того мне было. Надо немедленно вернуться в город, переодеться, пересесть на мой «бардачок» и назад, к линии фронта! Слишком долго я ждал звонка от вождя, чтобы медлить или терять время на дополнительные сборы!

Ага, вот и подходящая развязка – «клеверный лист». Почти не снижая скорости, я пролетел по мосту над трассой. После чего машина нырнула в тень путепровода. И почти сразу же ее ощутимо качнуло, словно мы налетели на огромную кочку, а в следующее мгновение затрясло – миг, и вот уже внедорожник «ГАЗ-3119» едет не по гладкому асфальту, а по утрамбованному щебню «шоссированной дороги», выходящей по несжатому полю.

Справа, перемалывая гусеницами вызревшую пшеницу, шли коробки немецких танков, серыми вошками ползла пехота. Раз за разом в поле вставали черно-коричневые «кусты» взрывов, а еще дальше, на горизонте, стлался дым – горел Минск.

В небе, выдерживая строй, летела девятка двухмоторных «Хейнкелей-111».

Ах ты ж черт... мы, похоже, попали в самый замес! Насколько я помнил – на рассвете немцы прошли через линию разрушенных в предыдущие два дня укреплений Минского укрепрайона – от развязки, которую я миновал, до ближай-

шего ДОТа¹⁰ всего километров пять по прямой – и теперь развивают успех.

Первая гвардейская дивизия, переброшенная под Минск накануне, стояла в перелесках в районе фольварка Брилевиичи¹¹, в дефиле между шоссе и железной дорогой на Брест. Место удобное, в том числе и своей инфраструктурой: до войны там были большие артиллерийские склады с хорошими подъездными путями. Таким образом, Бат перекрывал почти весь западный сектор и мог быть переброшен на любое направление хоть по шоссе, хоть по «железке». Получив информацию о прорыве, Батоньч двинул свои танки примерно по маршруту нынешней кольцевой автодороги и вышел к деревням Озерцо – Богатырево, где сосредоточил дивизию, используя складки местности (там до войны было изобилие оврагов и невысоких горок), а потом нанес удар через широкое поле в направлении Озерцо – Хотежино.

Поднятые стекла и рев дизеля приглушали батальные шумы, но тут слева показался немецкий «Т-III». Одолевая крутой подъем дорожной насыпи, танк взревел, выбрасывая струю сизого дыма, показал бронированное брюхо и мягко осел на передок, его пушка глянула прямо мне в глаза – черное дуло завораживало.

– Что это? – закричала Светлана.

– Танки Гудериана! – крикнул я, бросая машину в занос.

¹⁰ ДОТ № 84 Минского УР.

¹¹ Брилевиичи – ныне – одноименный микрорайон Минска.

Едва не встав на два колеса, «Волга» отвернула и скатилась на поле слева. Курсовой пулемет немцев зачастил, но поздно – пули лишь покорежили заднюю стойку.

А «ГАЗ-3119» запрыгал по кочкам и бороздам – кузов гудел и скрипел, нас со Светланой подкидывало и шатало. Пару раз я приложился головой о потолок салона.

В стороне вспучился взрыв, клубясь дымом и комками земли.

– Пригнись!

Ойкнув, Светлана мигом съехала с сиденья, задирая юбку. Я и сам пригнулся к самой баранке – несколько осколков процарапало крышу, оставляя рваные щели.

Подняв голову, я увидел прямо перед собой перебежавших немцев – в пыльных сапожищах, в серо-зеленой форме. Рукава закатаны по локоть, пилотки набекрень, Маузеры наводятся на меня...

Я выжал газ, мотор взревел, и «Волга» ударила носорогом, сбивая бампером двоих гитлеровцев. Поднялась стрельба, Света завизжала, не выдерживая навалившегося ужаса.

Пули разнесли заднее стекло и боковое, пробили шину, но централизованная подкачка не подвела – компрессор с громким шипением вдувал воздух в дырявый скат.

– Держись, Светочка, держись... – бормотал я, вцепившись в руль.

Я вел машину зигзагом, по замысловатой кривой, успевая объезжать воронки. Впереди показался неглубокий овраг и

покосившийся мостик без перил.

Проверять его на прочность не было ни времени, ни желания – «Волга» на всей скорости пролетела по хлябавшим доскам, скатилась с холма, пересекла мелкую речку – брызги во все стороны – и канула в лес.

Петля между деревьями, я заехал поглубже в чащу, и тут мотор заглох. Я глянул на приборы. Блин, как не вовремя... Солярка – йок! А ведь только вчера утром заправлялся. Пробили топливный бак?

В следующую секунду под полом багажного отделения грохотнуло, салон мгновенно заволокло дымом, и мы со Светланой, не сговариваясь, выскочили наружу и отбежали на десяток метров.

– Где мы? – крикнула она, задыхаясь и оправляя юбку. – Что тут вообще происходит?

– Мы где-то под Минском, – ответил я, возвращаясь к машине – весь задок у «Волги» горел. – А происходит война. Великая Отечественная! Сейчас тут сентябрь 41-го года...

– Это... розыгрыш такой, да? – неуверенно сказала Светлана.

– Ага! – поддакнул я. – Вот, собрали тут шесть танковых дивизий, специально, чтобы нас разыграть!

– Но это же невозможно! Это было... Господи, это было больше семидесяти лет назад! Война давно закончилась!

– Для кого как, – проворчал я, – для меня она только началась... В очередной раз...

Прикрываясь полой пиджака от жара, я просунулся в салон и вынул из «бардачка» «тактический» пояс из кордуры с пистолетом Ярыгина в новомодной открытой кобуре и четырьмя снаряженными запасными магазинами в пластиковых гнездах. Без оружия в пределах доступности я себя в последнее время чувствовал словно голый...

Опоясавшись и подогнав кобуру, я сразу проверил пистолет и, передернув затвор, загнал патрон в патронник. На предохранитель ставить не стал. Так оно как-то спокойней...

Вернувшись к Светлане, увидев ее растерянные глаза, мазки сажи на щеке и блузке, я ощутил раскаяние.

– Прости, пожалуйста, что невольно затащил тебя сюда, – сказал я, – но так уж у меня выходит, что после разговора с вождем я попадаю на линию фронта. Я бы с радостью отвез тебя домой, но на время «провала» повлиять не могу. А оно, может, и к лучшему, что провалились мы прямо сейчас – мне нужно предупредить друга о возможной гибели.

– Но ты же попросил об этом... Сталина, – несколько растерянно произнесла Светлана.

– Надеяться надо только на себя, – вздохнул я. – Вдруг связи нет и вождь просто не сможет помочь?

Женщина тяжело вздохнула и присела на корточки. Зажала ладонями щеки и провела по ним пальцами, словно омывая.

– Неужели все это правда? – пробормотала она, глядя прямо перед собой.

– Прости, – буркнул я.

– Да ладно... – отмахнулась она.

И в этот самый момент наш разговор грубо прервали. Резкий голос из кустов скомандовал:

– Хенде хох! Вафн хинлегн! Эргип дих!¹²

Я действовал на рефлексе – ушел в прыжке с линии огня, падая за пень. Пистолет каким-то образом сам оказался в руке – помогли вколоченные за прошедший месяц рефлексы – я ведь в алкогольный загул ушел всего три дня назад, а перед тем в тир при оружейном магазине как на работу ходил, чтобы в форме быть. Да и здесь, в этом мире, тоже, можно сказать, изрядно увлекался практической стрельбой.

Краем глаза я заметил, как Света бухнулась на колени, прячась за упавшим деревом и отклячивая очень аппетитную круглую попку. Нет – чудо что за женщина. Ни криков, ни истерики – а реакция мгновенная.

Упал я на пласт хвои, будто на мат, и сразу же увидел немцев. Их было пятеро: четверо молодых «дойче зольдатен» и старший – фельдфебель, – мужик лет тридцати, со «Шмайссером». Его я снял первым, всадив в корпус две пули. Четко, как на тренировке, – дистанция была «никакой», метров тридцать.

Фельдфебель дернулся, вскидывая руки и крутнувшись в неуклюжем фуэте. Солдатики же, похоже, были из недавнего пополнения, потому что промешкали, и я успел уло-

¹² Руки вверх! Бросить оружие! Сдавайтесь! (нем.)

жить еще двоих. Зато оставшаяся парочка открыла бешеный огонь, шпигуя пень винтовочными пулями, а после самый умный из этих двоих откатился, подбирая «МП-40», и выпустил в мою сторону длинную очередь.

Лишь только фриц сделал паузу в стрельбе, видимо, патроны закончились, я высунулся и послал в него несколько пуль веером – этот придурок не залег, а картинно стоял, опустившись на колени, со «Шмайссером» в руках и менял опустошенный магазин. Зигфрид задрипанный...

Три пули вошли ему в грудь, опрокидывая навзничь, но и меня не минула чаша сия – оставшийся в живых выстрелил и попал мне в левую руку. И кажется, сука, задел кость – было очень больно, я шипел и матерился, но тут этот истинный ариец, оставшийся в печальном одиночестве, привстал, задирая руки вверх, и прокричал:

– Шиссен зи ниht, их гебе ауф!¹³

– Ниht шайссен!¹⁴ – ответил я ему.

Вот только брать пленных не входило в мои планы. Пуля разорвала немцу горло, хотя целился я в голову, – немудрено промахнуться, когда рука «гуляет» от боли в ране.

Поначалу мне показалось, что наступила полная тишина, но через пару секунд звук «включился» – с поля боя накатывались рев моторов, лязг гусениц и грохот взрывов. Я маши-

¹³ Не стреляйте, я сдаюсь! (нем.)

¹⁴ Не срать! (нем.) Игра слов: не стрелять – ниht шиссен, не срать – ниht шайссен.

нально сменил магазин и только после этого убрал в кобуру пистолет. Упираясь в землю здоровой рукой, приподнялся и огляделся – в зоне прямой видимости, ограниченной кустами и деревьями, живых врагов не наблюдалось. Кажется, первую атаку отбили...

Светлана, по-прежнему стоя на коленях, подняла бледное лицо.

– Прости! – сказал я, подходя к ней, чтобы помочь встать. – Я-то уже привык, а вот для тебя это большой сюрприз.

– Кто это был? – Губы женщины дрожали, но вопрос она задала вполне твердым голосом.

– Немцы. Фашисты... – Я машинально пожал плечами и скривился от боли.

– Ты ранен! – воскликнула Света, цепко хватая меня за окровавленный рукав и поворачивая его, чтобы лучше видеть дырку от пули.

Я успел удивиться этому странному любопытству, но тут женщина огорошила меня еще больше.

– Огнестрел, сквозной, в плечо, – спокойно констатировала Света. – Аптечка в машине есть?

– В багажнике была.

Быстрым шагом, ковыляя по хвойному «ковру» в туфлях на высоком каблуке, она подошла к автомобилю. «Волга» уже хорошо разгорелась, и соваться внутрь было бы самоубийством. Но тут Светлана удивила меня в третий раз: по-

добрав свою сумочку, она достала из нее что-то очень похожее на небольшую косметичку, оказавшееся индпакетом, – по крайней мере там было два бинта, резиновый жгут, маленькие одноразовые шприцы и какие-то крохотные, миллилитров на десять, пузырьки.

– Удивлен? – заметила мою отвисшую челюсть эта таинственная женщина. – Не пугайся, я врач! И даже доктор медицинских наук. Так что первую помощь окажу вполне профессионально...

– Потом, Свет, – поморщился я, глянув на часы, – уходить надо. Одиннадцать уже!

– Никаких «потом»! – решительно отрезала женщина. – Ты про «правило золотого часа» слышал? Так вот, могу тебе сказать, что есть еще и «бриллиантовые минуты». Не дай бог заражение начнется, что, учитывая попавшие в рану клочья одежды, вполне реально, возись потом с тобой!

Чуть не силой посадив меня на истыканный пулями пеньек, Света помогла снять изгвазданный пиджак, разрешила окровавленный рукав рубашки и оголила рану.

– Ну что, доктор, жить буду? – пошутил я, пытаюсь улыбнуться – от боли сводило все тело.

– Жить будешь, – без улыбки ответила Света. – Пуля задела кость – это болезненно, но не смертельно. А сейчас потерпи, надо рану очистить...

Тут мне показалось, что стало вроде как полегче – когда она выковыривала что-то из раны небольшим пинцетом,

«новая» боль перекрыла «старую». Но эта иллюзия довольно быстро развеялась.

– А как твоя фамилия? – спросил я, лишь бы немного отвлечься от «эxecуции».

– У меня некрасивая фамилия, – со вздохом ответила Светлана, капая на рану из маленького пузырька, – Сморкалова. А когда вышла замуж, стала Козулиной. Смешно?

– Да нет, не очень... – проямлил я. – Руки у тебя легкие! Долго еще?

– Почти все, сейчас забинтую, и готово.

Действительно, Света справилась очень быстро – минуты за три. В финале «добрый доктор» сделала мне два укола, после которых по телу разлилось тепло и в «дырке» перестало жечь.

– Хорошие у тебя колеса, товарищ доктор, сразу отпустило! – похвалил я.

– Это ты об уколах? – не сразу сообразила Света. – Там от столбняка и легкое обезболивающее, его даже грудным младенцам дают. Ну все, можешь вставать! А я пойду гляну, что там с этими... немцами.

– Зачем?! – снова поразился я.

– Вдруг там раненые...

– Это же... враги! – попытался я урезонить док-торицу.

– Не важно! – отмахнулась Света. – Я клятву Гиппократова давала.

– Погоди, вместе пойдем! – остановил я ее порыв. – А то

вдруг там эти... раненые не так поймут и встретят медицинского работника выстрелом.

Немцы вполне ожидаемо (для меня) оказались безнадежно мертвыми. Будь у меня хоть малейшее подозрение, что кто-то из этой бравой пятерки выжил – я бы еще до перевязки не поленился проверить и добить. Однако мне показалось, что Света проверяла не только состояние «пациентов».

– Немцы... очень похоже, что настоящие, – прошептала женщина себе по нос. – А уж трупы-то точно! Значит, все это вокруг действительно реально?

– А ты сомневалась? Впрочем, я в первый раз тоже не сразу въехал – все какой-то подвох искал! – невесело усмехнулся я.

Обшмонав убитых немцев, я забрал лишь их зольдбухи и все наличное съестное – две жестяные коробки с шоколадом «Шока-кола» и упаковку хлебцев «Кнэкеброт».

Винтовки я оставил на месте, лишь вынул из них затворы, а «машинен-пистоль» подобрал, заодно сняв с фельдфебеля брезентовые подсумки с запасными магазинами. К счастью, мой «Грач» аналогичными патронами «питался».

– Пойдем, милая, нам тут больше делать нечего! Время поджимает!

Женщина только кивнула и перекинула ремень своей сумки через плечо.

– Черт бы побрал эти туфли! – с чувством сказала Света через полчаса, в очередной раз подворачивая ногу.

Я и сам был в полуботинках, малопригодных для лесного туризма, но хоть не на шпильках. И ведь мог провести инспекцию обуви на «невинно убиенных» немчиках, но в запарке просто забыл это сделать.

Женщина стойко держалась часа два, после чего я сам не выдержал – жалко стало человека.

– Передохнем немного, – сказал я.

Светлана тут же и села, прямо на траву, стащила с себя ненавистные «колодки» и застонала от удовольствия.

Я пристроился рядом, протягивая ей круглую коробочку с шоколадом.

– Битте, фрау Сморкалофф!

– Тогда уж фройляйн, – усмехнулась она и положила в рот вкусняшку, не растеряв прежнего изящества.

Я тоже жевал, изредка посматривая на Свету, но не подгоняя. Надо будет, сама все расскажет.

Съев «на первое» шоколад, мой милый доктор захрустела дырчатым хлебцем. Прожевав, она сказала, задумчиво разглядывая огрызок «Кнэкеброта»:

– Знаешь, вчера я плохо понимала, зачем спустилась в бар... Я ушла прямо с банкета – мы с коллегами отмечали защиту моей докторской... Я сидела во главе длинного стола, принимала поздравления, выслушивала тосты, а на душе было гадко и как-то пусто. Для чего, думаю, это все? Зачем я суечусь, достигаю вершин и прочих пафосных вытребенок? Ну как же – самый молодой доктор наук в Минске!

Но смысл-то какой во всем этом? Цель какая? Да, конечно, больным в нашей клинике будет большая польза, а мне? Мне самой? Для чего мне все эти посты, звания и регалии? Для чего, если я возвращаюсь в свою квартиру, а там тихо и пусто? Я потому и не называю свою «трешку» домом. Дом – это когда тебя ждет любимый человек, когда галдят дети... А я в разводе и не рожала ни разу. Зато, – Света грустно улыбнулась, – моя грудь сохранила идеальную форму. Здорово, правда?

– Здорово, – серьезно сказал я. – Для меня.

Сморкалова кивнула и усмехнулась:

– Я, как мой бывший, плачусь...

Я покачал головой:

– Это мужику плакаться стыдно, а... женщине можно. И нужно. Зачем держать боль в душе? Занозу надо удалять, пока не загноилась. Тебе ли этого не знать?

– Да... – вздохнула Светлана. – Я и раньше вроде бы понимала, что никакие чины и премии не заменят обычного человеческого счастья, но вчера я уяснила это с такой пронзительной ясностью, что даже содрогнулась. Соседка, помню, рассмеялась, подумала, я водки хряпнула. Что, говорит, крепка, зараза? Ага, говорю – и на выход. Никто, кажется, даже не заметил моего ухода. А я спустилась в бар и стала пить с каким-то мрачным удовлетворением. Напьюсь, думаю, в зюю! Мы с тобой пили на брудершафт, помнишь?

– Смутно, – признался я и не удержался, спросил: – А по-

чему со мной?

– А потому что ты был единственным из всех – настоящим, – спокойно ответила Сморкалова. – Подошел, решительно отодвинув какого-то здоровяка, который ко мне клеился. И тот, что интересно, даже не пикнул, хотя был, как мне показалось, в два раза больше тебя. И гораздо трезвее! – Света хихикнула. – Ты на ногах каким-то чудом стоял, но при этом держал фасон: язык не заплетался, спина прямая. Да и потом, когда разговорились... Не ныл, жалуясь на жизнь, не хвастался служебным положением и вашими мужскими игрушками – крутыми автомобилями и прочим барахлом. Просто сказал, что я прекрасна и на меня приятно смотреть вот просто так – без вожделения. Тут я как-то внутренне завелась – как же это так: без вожделения, неужели я потеряла сексуальную привлекательность? Ну и начала тебя подначивать... А ты с такой печалью в голосе сказал, что мужчина не может дружить с женщиной, потому что друзей не трахают! – Света снова хихикнула и лукаво посмотрела на меня. – И я решила опровергнуть этот тезис. И опровергла! Два раза, кажется... А потом я отрубилась. Грубое слово, но подходящее... Спасибо тебе!

– За что? – удивился я.

– За все... Когда я проснулась сегодня, то ощутила себя... Ну, как будто я переболела опасной хворью – в теле слабость, но иду на поправку.

Я кивнул.

– Со мной проще – я пил потому, что никак не мог попасть сюда, в 41-й.

– И спасти друга...

– Да.

– Я будто во сне... – пробормотала Сморкалова.

– Нет, Светочка, это явь. Ну что? Пошли?

– Пошли... – вздохнула Светочка.

Раскаты рукотворного грома доносились, чудилось, со всех сторон. Иногда шальной снаряд рвался прямо в лесу, совсем недалеко от нас, и вскоре я понял почему.

Мы вышли на опушку и оказались на краю огромного поля, над которым стелилась пелена дыма и пыли. И в этих душливых облаках двигались танки, наши и немецкие. Они то и дело, грохоча и лязгая, выныривали из пылевых облаков и столбов дыма, и снова скрывались в вихрившей тьме.

Совсем рядом с опушкой проехала, грузно качаясь, «тридцатьчетверка». Ее номер ничего мне не сказал, но тактический знак – единица, обрамленная пятиугольником, навел на догадку.

– Это 1-я гвардейская! – закричал я, приходя в возбуждение. – Дивизия Володьки Бата!

Внезапно поднялся сильный ветер, его порывы снесли пыль, и словно занавес раздвинули, открыв всю сцену этого театра¹⁵ на несколько километров вокруг. На поле сходились сотни танков – наших «КВ» и «Т-34», немецких «троек» и

¹⁵ Дубинин имеет в виду «Театр военных действий» (ТВД).

«четверок».

Я жадно высматривал тот единственный танк, который был мне нужен, но отдельные бронемашины на поле сражения неразличимо сливались в две противоборствующие силы.

Нет, я верил, конечно, что Сталин поможет и спасет Батонича, но опасения не проходили, копошились в голове, тербя нервы.

«А вдруг?..»

Глава 2

7 сентября 1941 года, Белорусская ССР, окрестности Минска

Командирский «Клим Ворошилов» бодро катил по полю, полстатонным утюгом равняя борозды. Первому полку 1-й гвардейской, которой командовал генерал-майор Бат, противник достался серьезный – дивизия СС «Райх».

Но кто сказал, что эсэсовцы годны для службы в танковых войсках? Давить пшеков, которые бросались на танки с шашками наголо – это они могут. Ну так мы поумнее тех «героев» будем...

Экзамен на профпригодность эсэсманы сдавали на троечку – немецкие танки горели и чадили по всему полю, из-за поднятой пыли казавшемуся бескрайним. «Тридцатьчетверки» тоже присутствовали среди пылавших машин, но все же наших было куда меньше – «Т-34» в дивизии генерала Бата играли вторые роли. В главных выступали «КВ» – как стадо мамонтов, огромных и сильно разозленных, «Ворошиловы» перли вперед, не быстро, но и удержать их было невозможно.

Владимир Петрович вздохнул – он хотел лично вести своих ребят в бой. Но час назад, когда войска разворачивались из походной колонны, на командный пункт дивизии внезапно позвонил сам Сталин, требуя «не лезть на рожон» и командовать боем из безопасного тыла. И генерал послушал-

ся. Ну, почти послушался – не шел на острие атаки, как тянуло, а аккуратно двигался во второй волне. Здесь было относительно спокойно и обзор получше. Советом «командовать из тыла», конечно же, пришлось пренебречь – невозможно управлять мобильными войсками в режиме реального времени, сидя в нескольких километрах от передовой. Не те сейчас технологии, не те... Никто на широкий экран картинку с беспилотника не выведет, ввиду отсутствия этих самых беспилотников, да и самих экранов.

Самым значимым аргументом в решении слегка поумерить свой пыл послужила фраза Сталина: «Сведения получены от комиссара Дубинина». Услышав ее, Бат радостно улыбнулся, впервые за много дней. Жив, значит, Виталья! Воскрес, как птичка Феникс. И сразу же дал совет «не лезть на рожон». Видать, вычитал на каком-то сайте про неминуемую смерть героического генерала и решил спасти товарища.

Хотя, если уж состоялся у него разговор с вождем, значит, скоро и сам объявится...

– Заряжай бронбойным!

– Есть! Готово! – Сочный лязг закрываемого затвора.

– Матвеич, дорожка!

– Делаю, тащ генерал! – Голос Баранова на удивление спокойный.

Батоньч до рези в глазах вглядывался в перископ, кляня хреноватую оптику.

– Степан! Двадцать влево! «Тройка» подворачивает бортом!

– Короткая! – Баранов нашел подходящее место и плавно затормозил.

– Степа, жги!

– Есть! – выдохнул Гаврилов, вжимая педаль.

Грохнуло орудие. В общем шуме почти неслышно залязгала гильза, напуская вонючего дыму.

– Матвеич! Рви!

– Понял! – откликнулся Баранов.

– Погнали!

Мотор зарокотал громче, и «КВ» стал довольно шустро продвигаться вперед – клинья советских и немецких танков сошлись, как зубья капкана. Теперь оставалось выяснить, чьи зубы окажутся крепче.

Если глянуть вправо, было видно, как работает тяжелая «арта» – 152-мм гаубицы вышедших на прямую наводку «КВ-2». Увесистые снаряды рвались между «панцерами», опрокидывая «двойки» или даже «тройки», а уж когда выходило прямое попадание, «танчики» почти выворачивало наизнанку.

– «Высокий»! Ответь «Лому-два»! – послышался в шлемофоне голос командира второго полка. – Батареи ПТО мы раскатали. Бить дальше по правому флангу?

– «Лом-два», здесь «Высокий». Пройдись по тылам и выходи на левый фланг! Там сейчас жарко... А мы двинем тебе

навстречу. Только смотри не перепутай!

– Понял, выполняю.

– Матвейч, вперед на первой. Вон тудой, где развалины. Коровник там был или что... Экипажу – внимание, продолжаем бой! Заряжающий, бронебойный в ствол!

– Есть, бронебойный! – отвечивал Степанович. – Готово!

– Степа! Башню влево, на двадцать. Огонь по готовности.

– Есть! Наблюдаю танк противника... – занудил Гаврилов.

– Короче, Склифосовский! – прикрикнул Владимир Петрович. – Душевно тебя прошу!

– Короткая! – живо сориентировался башнер. – Выстрел!

Грохнуло орудие, почти не толкая многотонную махину. Горячая гильза забрякала, дымясь синим кордитным чадом.

– Попал! – с удовлетворением отметил Бат, наблюдая, как задымил фашистский танк. Из люков полез экипаж в черном. – Ваня, приголубь!

– Есть!

Застучал пулемет, прореживая немецких танкистов.

– Матвейч, рви!

– Делаю, тащ генерал...

«Т-III» и «Т-IV» выходили из-под накрытия гаубичными «подарками», строясь ромбом. За ними катились «Ганоматги» и «Опели» с пехотой.

– Матвейч, ходу! Разворот вправо на сорок пять, и тормози. Заряжай осколочным!

– Есть осколочным! Готово!

– Огонь!

Громыхнуло. Осколочно-фугасного вполне хватило для «Ганомага» – бронетранспортер почти развалило надвое. А тут и «четверочка» подставилась.

– Дорожка! Бронебойным!

– Есть! Готово!

– Короткая!

– Выстрел!

Снаряд вписался в моторный отсек немецкого танка, и синтетический бензин весело полыхнул.

– Газу, Матвеич!

Батоньч прижался к нарамнику перископа. Окружающий мир трясся и колыхался, кромка горизонта плясала, но разглядеть атаку можно было. «КВ» ломили уступом, почти не маневрируя, изредка принимая меткие снаряды на броню – вон как раз один такой ударил о башню «Ворошилова» слева, выбив сноп искр, и ушел рикошетом в небо. А вот юркие «тридцатьчетверки» крутились и вертелись, сводя с ума немецких наводчиков.

Кто-то из наших зарядил «троечке» бронебойным под башню, да так ловко, что ту сорвало и швырнуло на землю. Боекомплект рванул в погон, как из жерла.

– Степа, не спи!

– Матвеич, поворот направо и остановка!

– Есть!

– Клади бронебойный!

– Готово!

– Матвейч, немного левее дай! Короткая! Выстрел!

Болванка ушелестела и вошла «тройке» в борт. Та стала колом, а через секунду башня приподнялась на облаке огня и дыма и тяжело опустилась обратно, прикрывая подорванный танк, как кастрюлю крышкой.

А вот и следующий в очереди... Наглая «четверка», стреляя на ходу, шла командирскому танку наперерез. Гаврилов всадил «панцеркампфвагену» бронебойный в двигатель – болванка выкрошила цилиндры и переломала шатуны. Лопнули баки, разливаясь, разбрызгиваясь жидким огнем, и немцы полезли из люков, как черные тараканы-прусаки.

Бат хотел было дать команду Глебову, но наступающая пехота и сама справилась, перестреляв «панцерманов». Но нашлось дело и для радиотелефониста.

– Иван! Включай третий канал!

– Есть! Готово!

– «Очкарик»! Здесь «Высокий»! Куда ты пропал?

– Занят, «Высокий». Пытаюсь одновременно немцев заглушить и наши каналы держать открытыми. Пока вы там лихачите, мы здесь за вас отдуваемся!

– Боря, поерничай мне еще... Где «горбатые»?

– Петрович, летуны говорят, что все в разгоне! Немцы не только на нашем участке прут...

– Боря, дорогой, найди хоть эскадрилью!

– Ладно, ладно... Сейчас постучусь в одну дверку... Есть!

Говорят, что заправляют одну группу.

– Группа – это сколько?

– Десять штурмовиков, Петрович!

– Боря, а двадцать найти слабо?

– Петрович...

– Жду!

Вскоре над полем боя показались штурмовики «Ил-2».

Было их мало, и еще эскадрилья «МиГ-3» прикрывала «горбатых». «Ильюшины» пролетали на бреющем, как ангелы смерти, швыряясь бомбами, пуская эрэсы, паля из пушек.

Звено забредших «Юнкерсов» стало разворачиваться, от греха подальше, но пилоты «мигарей» не утерпели, набросились на бомбовозы. Вышло эффектно – немецкие летчики, стремясь поскорей облегчить свои «Юнкерсы», стали сбрасывать бомбы не глядя, и парочка фугасок раскурочила-таки «тройку» и «четверку».

Налет краснозвездной авиации не остановил накат танков Гудериана, но 1-й гвардейской помог.

Снова подключилась артиллерия, перепахивая поле, засевая его разящей сталью. А вот и «катюши» заработали – с ревушим воем уходили по косой в небо реактивные снаряды, падая на арьергард 46-го моторизованного корпуса, где двигалось «нежное мясо» бронированной орды – грузовики с пехотой, артиллерия, саперы. На них «хвостатые кометы» произвели «неизгладимое впечатление» – Бату помере-

щилось, что он чувствует запах горелой человеческой плоти.

На мгновение показалось, что вражеский натиск ослабел – насколько мог видеть со своего места генерал, пространство перед ним было усеяно горелой техникой. Десятки немецких и наших танков дымились, застыв в разных положениях, один даже перевернулся, свалившись в глубокую воронку. Редко где просматривалась трава – земля была перелопачена и выжжена. Огонь и дым продолжали бушевать, разрывая сталь на куски, превращая живых и мертвых в бессмысленную копоть. Да уж: встречный танковый бой – вещь страшная, почти inferнальная... Но вот среди черных островов что-то мелькнуло...

– Степан, видишь? Сука какая-то там рыщет, недобитая...

– Вижу, командир, «тройка» там! Прямо на нас прет!

– А вот хрен им на рыло. Бронебойным!

– Есть! Заряжающий!

– Уже!

– Выстрел!

С двухсот метров болванка пробила лобовую броню и, словно кол, втесала в «тройку». Тут прилетел бронебойный от соседа – в упор под башню, наполовину выдирая ту из погона. Готов.

– Жрите, твари, не обляпайтесь!

Бат мельком глянул на «трофейные», принесенные из «того» мира, швейцарские часы. Ух ты, всего одиннадцать утра! А показалось, что полдня прошло!

И в этот момент «Ворошилову» прилетела «ответка» – болванка вонзилась в башню, и экипаж танка словно оказался под Царь-колоколом в момент удара «языка». Звон оглушил всех, у Сереги Степановича даже кровь из уха пошла, а кусок окарины, выбитый снарядом из башенной брони, чиркнул Батонычу по левой руке.

– Т-твою мать!

Кое-как замотав рану, генерал-майор сунулся к нарамнику. Где эти суки?!

– Матвеич! Метров десять-пятнадцать вперед, и замри!

– Ага...

– Степа!

– Вижу его, тащ командир, самоходка за горелыми фрицами прячется!

– Так бей!

– Выстрел!

Степа поспешил – снаряд, нацеленный немецкой «штуге» в корму, пролетел чуток выше, пробороздив корпус и сбивая запасную канистру. Сноп выбитых искр походил на фейерверк – бензин вспыхнул тут же, растекаясь, проливаясь на мотор.

– Мимо! Но горит!

– Матвеич, газу!

– А то ж...

Глава 3

7 сентября 1941 года, Белорусская ССР, окрестности Минска

Я двинулся вдоль кромки леса, огибая поле боя. Светлана тащилась следом. От танкового сражения нас отделяла редкая полоска деревьев, если и защищая, то лишь от недружественного взгляда.

Я шел, спотыкался, но все смотрел и смотрел. Я бывал на танковых учениях, видал бои местного значения, но столь эпическую битву наблюдал впервые.

Рев моторов, огонь и дым, дыбившаяся взрывами земля – все это зрелище завораживало, словно первозданный хаос.

Пыль сдуло ветром, зато хватало дымов – черных, серых, белых, – густая пелена висела над полем, размазывая перспективу.

Танков поблизости от нас было немного, основная масса бронетехники отделилась от опушки на пару километров. И сейчас рядом с лесом появились самоходки – новенькие САУ-76. Из-за «широких спин» «Ворошиловых» они выбивали немецкую бронетехнику. Получалось, судя по резко возросшему на поле количеству черных дымов, неплохо.

Вообще, когда видишь танковый бой со стороны, бросается в глаза то, что как раз танки – это далеко не все. Вот мимо проехали БТР-41, немножечко кургузые, если сравнивать

их со «сто пятьдесят вторыми». А вот неподалеку, метрах в трехстах, появились громадные силуэты «КВ-2». Их орудия слаженно грохнули залпом, и меня со Светой качнуло воздушной волной – калибр внушал уважение!

И повсюду – под прикрытием брони или на броне – пехота. Без нее никуда. Грозный с виду танк беззащитен перед парой очумелых немцев, волокущих ящик-мину, или против смелого красноармейца, готового забросать вражескую машину бутылками с горючей смесью. Смешно звучит, но за танками надо приглядывать, чтобы противник не обидел.

– Ищешь друга? – задыхаясь, спросила Светлана. – Или просто любишь батальную сцену?

– Знаешь, я был офицером, много повидал, но тут такой размах... Настоящая Курская дуга!

– Не поняла, – озадачилась Сморкалова, – какая еще дуга? Или ты имел в виду магнитную аномалию?

Еще бы ты понимала... В твоей реальности не было ни Сталинграда, ни Прохоровки.

– Проехали, – сказал я.

И в тот же момент послышался резкий голос:

– Стоять! Хенде хох!

– Вы уж что-нибудь одно выберите, – посоветовал я шагнущим из-за дерева красноармейцам, – или по-русски командуйте, или по-немецки.

Усатый боец с сержантской «пилой» на черных петлицах молча отобрал немецкий автомат и попытался вытащить из

моей кобуры «Грач». Не тут-то было! Пистолет даже не сдвинулся – чтобы его извлечь, нужно нажать планку на боку кобуры. Дабы упростить ему задачу, я снял оружейный пояс и вручил сержанту со словами:

– Отвечаешь головой! Это секретная разработка.

– Разговорчики! – машинально буркнул усатый, оторопело разглядывая странную конструкцию. – Кто такие?

– Сами-то вы кто? – воинственно парировала Светлана.

– Разведбат 1-й гвардейской танковой дивизии, – небрежно козырнул сержант. – У вас, гражданочка, оружие есть?

Сморкалова вместо ответа раскрыла свою сумочку и протянула ее молодому парню с ППД. Парнишка скосил глаза внутрь и почему-то покраснел.

– Повторяю вопрос: кто вы такие и что здесь делаете? – тоже глянув на содержимое сумки, сказал сержант.

– Батальонный комиссар Дубинин, – представился я, – а это военврач Сморкалова. Выполняем особое задание командования.

– А где тогда твоя форма, комиссар? – съехидничал молодой красноармеец.

– Фамилия? – с «командирской» ленцой в голосе спросил я.

– Красноармеец Кравцов! – на полном автомате ответил боец и тут же, поняв свою оплошность, прикусил язык.

– Я доложу командованию о твоей наблюдательности, красноармеец Кравцов! – холодно сообщил я.

– Да ты... да вы... да я вас... – начал закипать Кравцов, но его порыв был остановлен сержантом.

– Отставить! – сердито рявкнул усатый. – Доставим этих субчиков в штаб, там разберутся!

– Ох, только не пешком! – взмолилась Светлана. – Доставьте нас на машине, да хоть на чем! Хоть на лошади!

– Могу предложить танк! – хмыкнул сержант.

– Я согласна!

– Вперед!

Мы прошли под конвоем метров пятьдесят и вышли к небольшой поляне, куда как раз вписался легкий «БТ-7».

– Семеныч, заводи! – крикнул сержант, и молоденький конопатый мехвод, выглянувший из-за распахнутой «передней двери» «бэтушки», кивнул.

Кравцов ткнул пальцем на моторный отсек – полезай, мол. Я запрыгнул на гусеницу и подал руку Светлане.

– Помоги даме, что стоишь? Возьми за талию и приподними! – повернулась к красноармейцу Сморкалова.

Тот отодвинулся от женщины на метр, даже не попытавшись что-то сделать. Лицо парня приняло цвет переходящего красного знамени. Наверняка не целованный еще. Пришлось самому втаскивать Свету наверх.

Едва мы со Светой присели на горячую решетку и вцепились в поручневую антенну на башне – под прицелом бдительного красноармейца Кравцова, – как сержант махнул рукой:

– Вперед, Семеныч!

Почему-то танкисты очень любят именно мехводо́в звать по отчеству, хотя означенному Семенычу лет восемнадцать от силы...

И «бэтушка» дала гари, стартовав с места, как заправский гоночный болид. Несколько секунд мне казалось, что мы не едем, а летим через лес. Причем я лечу не на броне, а где-то рядом с танком... Впрочем, так казалось до первой же более-менее большой кочки, больно стукнувшей меня через металл корпуса по копчику.

Мы отъезжали все дальше от места битвы, и навстречу нам все чаще попадались следы присутствия военной братии – наспех выкопанные г-образные щели-укрытия, палатки и землянки, полевые кухни, бензовозы, какие-то грузовики с КУНГа́ми, легкие броневики. Вот только людей почти не было видно. Видимо, мы ехали через тылы гвардейской дивизии, и все способные держать оружие сейчас на передовой.

Лес как-то внезапно закончился, мы выскочили на поле. Вдалеке, в широком прогале, между двух рощ я увидел силуэты танков, выглядевших на таком расстоянии словно вырезанные из серой бумаги. Высоко над ними висели двухмоторные «Юнкерсы» – всего пять штук. Хорошо их эскадрилье досталось – должно быть девять единиц. И тут я похолодел: это было то самое место, где во встречном бою погиб Батоныч – в военной энциклопедии мне попалась хорошая

фотка: вот эти самые две роши и груды горелого железа между ними.

Я быстро глянул на часы. Полдень давно миновал!

– Сержант! – крикнул я. – Где генерал Бат, он жив?

– Чего-о? – выпучил глаза сержант. Подумал и веско сказал: – Этого вам знать не положено!

– Ах, чтоб тебя...

Двухмоторные «Юнкерсы» начали свое грязное дело – бомбы так и посыпались вниз, на несколько танков, стоявших вразброс, неподвижно, хотя с виду и целых. Я подумал было, где же наши «ястребки», как вдруг из роц захлопали зенитные автоматы. Первым получил уже отбомбившийся «Ю-88» – ему оторвало хвост. Второй бомбовоз рухнул с полным грузом, в месте падения встало огненное облако солидного размера. Остальные развернулись и ушли на запад, сбрасывая бомбы в чистое поле.

Усатый сержант и молодой Кравцов громко орали «ура!».

– Молодцы! – радостно крикнул я Свете, пытаюсь перекрыть рев мотора, на котором мы сидели. – Научились-таки от воздушных атак войска прикрывать! Ты бы видела, что в июне творилось. Я во время первого «провала» как раз под бомбу угодил!

– Так который раз ты в прошлом? – прокричала мне в ухо Светлана.

– В пятый или в шестой! А может, и в седьмой, – ответил я, тоже крича ей в ухо. – Просто со счета сбился.

– И как ты возвращаешься в будущее?

– Меня убивают!

– Как?!

– Насмерть!

Света отстранилась от меня и, задумчиво оглядев с ног до головы, словно ища какие-то повреждения, закусила губу.

Настроение у меня после увиденной отбитой атаки бомбардировщиков поднялось, хотя сомнения грызли с прежним аппетитом – уцелел ли Батоныч. Ведь наверняка лез в первые ряды!

И вот «бэтушка» зарулила на длинную и узкую поляну, где под деревьями стояли укрытые ветвями палатки, ждали своего часа ящики и бочки под масксетями и выглядывали срубы землянок.

Спрыгнув с танка, я снял с него Свету.

– Спасибо, – чопорно сказала она.

– Пожалуйста, – улыбнулся я.

Хороший настрой не покидал меня, и его не смогло испортить даже нарочито суровое лицо особиста, в палатку которого нас провели. Я не стал дожидаться, пока особист делает свой ход.

– Немедленно свяжитесь с генералом Батом, – потребовал я. – Я батальонный комиссар Дубинин!

– А вы не слишком много на себя берете? – Тон особиста был ледяным. – Ваши документы!

Интересно, а мой старый пароль еще работает? Сомни-

тельно, танковая бригада формировалась в июле, особист, если только он не был в то время на фронте, мог ничего про это не знать. Но попытка – не пытка...

– Брест сорок один! – негромко произнес я.

– Что? – удивленно моргнул особист. – Что вы несете?

– Повторяю: Брест сорок один! Это такой пароль, вам должны были донести циркуляром.

– Первый раз слышу про какие-то пароли! Кто вы такие? Предъявите документы! – упрямо набычившись, сказал особист.

– Повторяю: я батальонный комиссар Дубинин. Выполнял особое задание в тылу противника. Выхожу к своим. Естественно, что никаких документов у меня нет – было бы глупо делать врагу такие подарки. Если вы забыли пароль, то свяжитесь с генералом Батом – он знает меня в лицо и может подтвердить мою личность.

Особист посмотрел на меня как на сумасшедшего, потом опустил глаза и зачем-то начал вдумчиво изучать лежащий перед ним на столе оружейный пояс с «Грачом». Показывая тем самым, что на мои слова ему плевать. Вот сейчас этот служака реально меня разозлил.

– О вашем поведении я доложу вышестоящему командованию! – негромко, но медленно и четко сказал я. – И пусть оно решит, что его вызвало: непрофессионализм или обычная халатность!

– Молчать! – рявкнул особист, добавив пару непечатных

оборотов.

– Хватит орать! – сурово оборвала его Светлана. – Культурные люди так при дамах не выражаются. Надо будет посоветовать Лаврентию Палычу провести для сотрудников уроки хороших манер.

Признаться, я не помнил, кому в 41-м подчинялись особые отделы – Берии или Абакумову, – но подыграла мне Света знатно. Особист растерялся. Я почти слышал, какие мысли бродили в его голове: «А вдруг и правда?»

Дилемму разрешил новый персонаж – в палатку быстрым шагом вошел... Лерман! Давно и хорошо знакомый лейтенант госбезопасности, бывший следователь районного управления НКВД из Клецка.

– Паша, что тут у тебя? – не сразу разглядев нас в полумраке палатки, спросил Лерман. – Мне доложили, что к тебе доставили двух подозрительных людей.

– Здравия желаю, Анатолий Абрамович! – обрадовался я. – Какая-то странная тенденция выработалась – каждый раз вас встречаю! Как ваше ранение в руку, зажило?

– Вы кто? – прищурившись, видимо, глаза еще не привыкли к полутьме, спросил Лерман. – Хм, голос знакомый...

– Брест сорок один, Анатолий Абрамович! – с улыбкой сказал я.

– Товарищ батальонный комиссар? Виталий Дмитрич? Это вы?! – охнул от неожиданности Лерман.

– Я, Анатолий Абрамович, собственной персоной!

Лерман порывисто шагнул ко мне и неуклюже обнял. Вот уж чего я не ожидал от бывшего учителя...

– Простите, Виталий Дмитрич, что-то я... расчувствовался, – отстранившись, пробормотал «кровавый сталинский опричник».

– Как вы здесь очутились, Анатолий Абрамович? – пришел я на выручку Лерману.

– Меня назначили в первую гвардейскую дивизию личным приказом наркома! – с ноткой гордости сказал Лерман.

«Чтобы курировать действия Батоныча, докладывая напрямую Берии!» – догадался я.

– А мы здесь... проездом! – усмехнулся я. – Вот только ваш... э-э-э... коллега нас как-то... неласково... встретил!

– Паша, в чем дело?! – резко повернулся к особисту Лерман.

– Он отказывается пароль принимать, при женщине матерился, – наклонившись к уху Лермана, наябедничал я.

– Товарищ старший лейтенант госбезопасности, да я... да они... А у них документов никаких нет и вот такое оружие, явно несоветское! – возмущенно заорал «особист Паша». – Их в лесу разведчики поймали, а он мне только и твердит: «я батальонный комиссар», да талдычит про какой-то Брест.

– Оружие, кстати, совершенно советское – автоматический пистолет Ярыгина, – усмехнулся я.

– Паша, да ты, оказывается, дурак... – ласково произнес Лерман. – Впрочем, про пароль он мог и не слышать – когда

циркуляр рассылали, он в Кременчуге уркаганов на колхозном рынке гонял, на фронт всего две недели назад попал. Но все равно – обязан был немедленно доложить мне о любых странностях! Пшел вон, балбес!

«Особист Паша» трясущимися руками упаковал в пижонистую кожаную папку листы бумаги со стола и вышел из палатки на негнущихся ногах.

– С кем приходится работать! – печально покачал головой Лерман. – Вы, Виталий Дмитрич, простите нас! Недоработка!

– А вас, Анатолий Абрамович, я смотрю, в звании повысили! Поздравляю!

– Спасибо! – Мне показалось, что Лерман стесняется. – Присвоили внеочередное, это верно. Еще и орденом «Знак Почета» наградили!

«Небогато! – подумал я. – Впрочем, особенными героическими товарищ следовательно и не отличился».

– Да что мы про меня! – вскинулся новоявленный старший лейтенант госбезопасности, носящий в петлицах две майорские «шпалы». – Вы-то тут как очутились? И не один, а с... дамой?

– Это не дама, а военврач Сморкалова! – утрированно суровым тоном произнес я.

– Простите, товарищ военврач! Не хотел вас обидеть! – немедленно извинился Лерман, как будто слово «дама» являлось оскорблением.

Светлана нервно хихикнула.

– Отвечаю на ваш вопрос, Анатолий Абрамович: я вышел из вражеского тыла после выполнения специального задания командования. По пути подстрелил пятерых фрицев, вот их солдатские книжки – зольдбухи. Еще я с них автомат снял, но его, кажется, разведчики отжать решили. Но и фиг с ним, пусть пользуются, мне не жалко. Скажите мне скорее, не томите: жив ли генерал Бат?

Лерман поперхнулся.

– С утра был жив!

– А после полудня?

– И после полудня тоже! – задумавшись буквально на несколько секунд, ответил Лерман. – Я слышал его голос по радиации.

– Как мне с ним связаться? – нетерпеливо спросил я.

– Не знаю, – пожал плечами Лерман. – В эфире черт-те что творится, похоже, что не только мы «глушилки» используем, но и немцы свои включили. Но если судить по последним докладам с передовой, мы немцам врезали крепко. Гудериан отступает к Барановичам. О, я вижу, что вы ранены? Так вам в медсанбат надо!

– Товарищ... хм... старший лейтенант! – сказала Света по-строевому. – В медсанбат нужно мне!

– Вы тоже ранены? – недоуменно воскликнул Лерман.

– К счастью – нет! Но я врач! Хирург!

– Доктор медицинских наук! – добавил я значительно.

– О-о! – впечатлился Лерман. – Конечно, конечно! Я вас лично провожу.

Еще бы он не хотел проводить такую краю, мысленно рассмеялся я. А краля тем временем выставила неременное условие:

– Только дайте мне что-нибудь вместо этих ужасных туфель!

– А-а... – растерялся Лерман, словно ядовитых змей рассматривая ее заляпанные грязью остроносые кожаные туфельки на высокой шпильке. – Мы вам что-нибудь подберем!

– Подберите и мне, Анатолий Абрамович! – уже в спину уходящему гэбэшнику сказал я. Тот только кивнул, не оглядываясь.

Не прошло и четверти часа, как Лерман вернулся, притащив чистый, но явно ношенный и со следами штопки танкистский комбинезон. Когда-то, видимо, черный, но сейчас, после многочисленных стирок, практически светло-серого цвета. Следом за ним худенький боец внес огромные яловые сапоги, явно сорок шестого размера, и кусок ткани.

– Это мне в медсанбате вручили. Комбез хоть и не новый, но выстиранный! – объяснил гэбэшник. – А сапоги только такие были и сорок первого размера. Маленькие мы Светла-не Алексеевне отдали, а эти вам.

Пока я переодевался, худенький красноармеец, достав складной нож, располовинил принесенную ткань и положил

куски рядом со мной. Мне потребовалось почти пять секунд, чтобы догадаться – это портянки.

Штанины оказались коротковаты, но вкупе с сапогами – не критично. А верхняя часть комбинезона была даже несколько широковата, что мне понравилось – не люблю одежду в обтяжку. Сапоги, к моему удивлению, пришлись почти впору. Форменного ремня мне не принесли, и я застегнул на талии свой «тактический» пояс с пистолетом. Правда, за счет оливкового цвета он смотрелся несколько чужеродно, но лучше так, чем ходить расхристанным.

– Удалось связаться с комдивом! Генерал жив и почти здоров! – порадовал Лерман, критически оглядев мой новый облик и удовлетворенно кивнув.

– Что значит: почти? – немедленно взвился я.

– Легкое ранение, как он сам сказал! Товарищ Бат скоро вернется в расположение штаба.

– А как обстановка в целом?

– Мы победили, но у нас очень тяжелые потери. Генерал сказал, что немцы отступили на Столбцы, бросив раненых и всю поврежденную технику, но сохранили боеспособность. Попытка преследования была пресечена контратакой.

Я грустно кивнул. Чтобы разбить 2-ю Панцеркампфгруппу, усилий одной дивизии, даже гвардейской, даже такой, которую создал Бат, – мало. Тут впору танковой армией бить. Да только где ее взять?

Если верить той самой военной энциклопедии, Бату уда-

лось ликвидировать прорыв немецких танков и прочего Вермахта, и это было максимально возможным успехом. Да, искусство войны нам еще учиться и учиться...

– Товарищ Дубинин, вы меня простите, но я вынужден буду вас покинуть, – напомнил о себе Лерман. – Надо несколько вопросов по службе решить. Пленных много взяли, а особисты у меня... Ну, сами видели – за ними пригляд постоянный нужен. Я пойду, а вы здесь посидите. Вот я вам бойца оставлю. – Гэбэшник махнул рукой в сторону худого красноармейца. – Его зовут Федор, фамилия Емельяненко. Что будет нужно – поесть или попить или по нужде – он обеспечит. Это не конвой, упаси... хм... бог! Просто даже после переодевания вы... мало похожи на военнослужащего РККА, а люди в штабе после боя нервные...

– Да я все понимаю, Анатолий Абрамович, – кивнул я. – Не буду бродить по расположению, здесь посижу.

Солнце в затянутом дымом небе начало ощутимо клониться к западному горизонту, когда с той стороны показалась обляпанная грязью полноприводная «эмка» и с заднего сиденья неуклюже выбрался, как медведь из берлоги, живой и визуально невредимый генерал-майор Владимир Петрович Бат.

У меня чуть сфинктеры не сработали от облегчения.

– Дубинка! – взревел Бат и набросился на меня.

– Батоньч! Осторожно, бегемот, меня в левую цапануло!

– И меня! Ровно в одиннадцать нуль-нуль! Я как раз на

часы глянул, и тут – раз! – болванка в башню. И мне осколком брони по руке, как бритвой – ших! Ха-ха!

– Это надо же, а? И меня в одиннадцать! Только пулей.

– Это знак!

Расцепившись, мы с улыбкой посмотрели друг на друга.

– Виталя!

– Володька!

– А ты уже слышал, как мы им врезали?

– Я так даже и видел! Мы как раз на опушку леса вышли, а на поле прямо вторая «Прохоровка» шла!

– Погоди, кто это – мы?

– Я не один провалился! – усмехнулся я. – Я с... женщиной провалился.

– Опаньки, узнаю друга Виталию! – расхохотался Батонич. – Познакомишь?

– Она сейчас в медсанбате.

– Ранена? – с тревогой в голосе спросил Володя.

– Нет, она врач. Сама вызвалась твоим медикам помочь.

– Молодец! – искренне похвалил Бат. – Пошли туда, мне все равно надо нормальную перевязку сделать, да и тебе не мешает повязку сменить.

Медсанбат находился метрах в пятистах от штаба. И зрелище представлял пугающее – все пространство вокруг двух больших палаток с красными крестами занимали сотни лежащих, сидящих и ковыляющих людей, замотанных в окровавленные бинты. И где в этом царстве скорби искать Свет-

лану? К счастью, искать «фройляйн Сморкалову» не пришлось – женщина стояла возле входа в палатку. И тоже пугала своим видом – белый халат заляпан кровью так, словно его хозяйка побывала на бойне. Впрочем, по сути, так оно и было. Мало того – между тонких пальчиков Света изящным жестом держала дымящуюся папиросу. И издалека было заметно – руки врача дрожат, горящий кончик папиросы скачет вверх-вниз.

– Ты ведь не куришь? – полуутвердительно-полувопросительно сказал я, когда мы подошли.

– Не курила... – устало ответила Света. – Но тут не то что закуришь – запьешь! Ты же видишь, что вокруг творится, – и все эти парни еще не прошли обработку. Мы не успеваем, зашиваемся... Я сделала восемь операций... Трое не выжили...

Одной затяжкой докурив папиросу, Сморкалова втоптала окурок в грязь под ногами и подняла на нас глаза.

– Это и есть твой друг? – Увидев Бата, женщина через силу улыбнулась. – Здравствуйте!

– Здравствуйте... – проговорил Батонич с запинкой и решительно протянул руку: – Владимир Петрович!

– Светлана Алексеевна. Очень приятно.

– А уж мне как!

Наступила неловкая пауза, но ее очень быстро прервали – из палатки вышел молодой мужчина, в таком же, как на Свете, заляпанном кровью белом халате.

– Ефрейтор умер на столе... – глядя сквозь нас, сказал мужчина. – Все тело – сплошной ожог...

– Я предупреждала, Игорь Моисеевич... – бесцветным голосом ответила Света. – Сердце не выдержало?

– Да... – почему-то несколько раз кивнул мужчина и только сейчас, казалось, увидел нас. Разглядев комдива, он попытался принять строевую стойку. – Товарищ генерал-майор! Во вверенном мне подразделении...

– Отставить, товарищ военврач! – голосом и жестом Бат остановил доклад. – Я все вижу, Игорь! Вижу, что раненых много, вижу, как вы самоотверженно работаете. Спасибо тебе, сынок!

И Батонич, не испугавшись замызгаться, по-отечески обнял молодого врача.

– Это наш главный спаситель! – повернувшись ко мне, сказал Володя. – Игорь Моисеевич Фидельман. Был ведущим хирургом Первой градской, на фронт пошел добровольцем.

Главврач устало улыбнулся.

– Игорь, я вижу, что вы заняты, но мне и товарищу комиссару тоже требуется медицинская помощь.

– Да-да, конечно, товарищ генерал-майор! Пойдемте в палатку! – пригласил Фидельман.

– Давай, сынок, сделаем по-другому: отпусти на время Светлану Алексеевну, она уже на ногах нетвердо стоит. Пусть отдохнет пару часов, а перед этим нам с комиссаром

перевязки сделает. Дай ей бинты и... что там еще нужно!

– Я не пойду! – упрямо сжав губы, сказала Сморкалова. – Тут сотни раненых, им всем нужна помощь!

– Светлана Алексеевна, я все равно хотел предложить вам отдых, иначе вы с непривычки начнете ошибаться, – негромко сказал Фидельман. – Товарищ генерал верно решил: возьмите санитарную сумку и ступайте. Жду вас к полуночи!

Света, кивком дав понять, что доводы услышаны и приняты (видимо, действительно умоталась до почти полной потери сознания, а спорила из чистого упрямства), машинально сделала шаг в нашу сторону, но главврач поймал ее за рукав.

– Снимите халат, умойтесь.

– Мы вон там в сторонке подождем! – махнул рукой Батонич.

Пробираясь назад между раненых, Бат то и дело останавливался и перебрасывался с бойцами парой слов: с кем-то шутил, кого-то беззлобно поругивал, кого-то хвалил. Казалось, что комдив знает всех чуть ли не по именам! Настоящий «отец солдатам»! Батонич был в своей стихии – сражался с врагом, командуя крупным танковым соединением, и сражался вполне успешно. Я заметил, что, несмотря на раны, танкисты были бодры и веселы. На позитивный настрой людей сильно повлияла сегодняшняя победа. Все буквально рвались в новый бой. Ждали только своей очереди к медикам, «легкого ремонта», как выразился один из молодых командиров.

– Держат фасон ребятки! – каким-то неживым голосом сказал Батонич, когда мы отошли от раненых на пару десятков шагов и встали под деревом. – Гвардейцы! Орлы! Золотые парни!

Мне показалось или в глазах Володи блеснули слезы? Генерал отвернулся от меня и простоял почти минуту. А потом, не поворачиваясь, снова заговорил тихим монотонным голосом:

– Потери просто чудовищные! Сам видишь, здесь раненых примерно три сотни, а ведь не всех еще собрали. А сколько убитых, сгоревших всем экипажем? Да, мы победили, настучали Гудериану по сопатке. Но он, сука такая, отошел в полном порядке, сохранив костяк потрепанных дивизий. Да, мы разменяли один наш танк на три немецких. Но даже такой размен для нас – пиррова победа, ведь танки можно наклепать, а погибших танкистов не вернешь! Многих я сам два месяца назад обучал, а сейчас они остались вот там! – Володя резко махнул рукой в сторону дальнего поля, где до сих пор виднелись столбы дыма. – Нам бы сейчас ударить вдогонку, добить немчуру, а нечем – выбита примерно половина матчасти, а уцелевшая техника нуждается в разной степени ремонта. И люди... люди смертельно устали! А если не завтра, то через пару дней точно эти твари перегруппируются и снова попробуют нас на зуб. Учитывая, что здесь три танковые дивизии и две моторизованные против одной нашей – я не уверен, что моя гвардейская устоит! А с севе-

ра прет Гот! Боюсь, что Минск мы не удержим! Правда, товарищ Сталин на это и не рассчитывал, эвакуация госучреждений идет с пятого сентября.

– А население, промышленность?

– Населения почти не осталось, а эвакуация промышленности закончена две недели назад! – устало усмехнулся Бат. – Ее начали, как только немцы к УРу подошли... Фрицев ждет пустой город...

– Не верили, стало быть, что укрепрайон устоит? Я ведь сам проходил через него месяц назад – там немцы столько войск подогнали – в ближнем тылу яблоку негде было упасть!

– Да он бы и неделю не устоял! – хмыкнул Батонич. – Невзирая на героизм бойцов и толщину бетонных стен! Фрицы – известные мастера штурмовых действий. Спасало то, что почти каждый день наше командование бросало во встречные бои свежесформированные дивизии. А активность немецкой артиллерии парировало грамотной контрбатарейной борьбой – не давали безнаказанно ДОТы расстреливать. Так и держались, пока... немцы отсюда ту прорву войск, которую ты видел, не увели на север и юг. А три дня назад – вернули! И всего лишь за двенадцать часов прорвали линию укрепрайона на всю глубину. И вот сегодня на рассвете ввели в прорыв танки. У меня был приказ просто задержать фрицев на сутки. Мы его слегка перевыполнили, разгромили и отбросили немецкий механизированный корпус.

Но дальше – снова придется отступать или положить здесь всех!

– Не переживай, Володь! – Я положил руку на плечо друга. – Вы действительно сделали невозможное! Я ведь смотрел результаты твоих действий – это наилучший результат по итогам всех наших провалов! Война будет закончена уже в 1943 году, представляешь?

– Представляю... – кисло улыбнулся Батонич. – А сколько мы солдатиков в сырую землю уложим, ты в энциклопедии посмотрел?

– Общие потери, военные и гражданские, составили почти восемь миллионов, – вздохнул я. – Но это всяко меньше той цифры, с которой я «начинал» свой вояж!

– Да, я помню, ты говорил при нашей первой встрече – двадцать семь миллионов! Все лучше и лучше, да, Виталь? – угрюмо глянул на меня Володя, словно это я был виноват, что потери не свелись к нулю. – Ладно, прости... я после сегодняшнего боя никак не отойду. Ты реально многого добился.

– Да и ты, дружище, не подкачал! – Я шутливо толкнул Батонича кулаком в плечо. При этом мы синхронно поморщились от боли в ранах. – На пустом месте создал мощное танковое подразделение! Я вычитал, что его структуру копировали не только наши и не только во время войны, но и на Западе, и даже в семидесятые годы.

– Да я-то тут при чем? – притворно удивился друг. Но

чувствовалось, что похвала ему приятна. – Ты же, наверное, догадался, что я тупо скопировал штат обычной советской танковой дивизии. К сожалению, без необходимой самоходной артиллерии. Но уже с мотопехотой! Бэтээры новые видел?

– Видел, все видел! Ты и в историю вошел как изобретатель БТР-41.

– А «сушки» новые видел? Астров с Грабиным постарались – всего за два месяца производство наладили! – не унимался внезапно разволновавшийся Батонич. – Сегодня самоходки в первый раз в бою участвовали!

– Я видел их работу с опушки! Отлично исполнено! Вот только...

– Что?! – излишне резко спросил генерал.

– Ты их использовал как противотанковые самоходки, хоть и во второй линии. А ведь это должно быть средство качественного усиления... ПЕХОТЫ!

– Ну ты, блин, даешь, пяхота! Только бы на себя одеяло перетянуть! – В Бате снова проснулась «корпоративная конкуренция» родов войск. – Впрочем... Ты, конечно, прав! Но, сам понимаешь, так сегодня карты легли, что пришлось этот козырь на игровой стол шлепнуть!

– Да я все понимаю, Володя... Я ведь не в упрек!

– Ладно, проехали... Ты вообще когда провалился-то? И Сталину успел позвонить, и наш бой увидеть...

– Около десяти утра, кажется... – почесал я в задумчиво-

сти затылок. – Точно не помню, на часы не смотрел – не до того было! Все вообще как-то быстро произошло – вот только звонок от Вождя и сразу – бац! Перенос! Между ними, наверное, и пяти минут не прошло!

– А чего Верховный так конкретно посоветовал мне не лезть на рожон? Ссылаясь на тебя?

– Погибнуть ты был должен сегодня, Володя! Вот на том самом поле между двух рожиц. Сгореть в танке вместе со всем экипажем. То ли во встречном бою с панцерами Гудериана, то ли от бомбы пикировщика.

– Во как! – Батонич пустыми глазами посмотрел на красное полукружие уже почти севшего за горизонт солнца. – Прошла, значит, мимо, костлявая... А чего ты дергался-то? В первый раз, что ли? Ушел бы на «перезагрузку», как ты это называешь...

– Я не был уверен, что без моего присутствия эта самая «перезагрузка» для тебя сработает! Хрен знает, как эта «небесная механика» действует!

– Понятно... – пробормотал Володя. – В общем, спасибо тебе! И за меня, и за ребят моих, за экипаж! Они ведь тоже должны были со мной... А ведь ты их дольше моего знаешь – мехводитом у меня старшина Баранов, а башнером мамлей Гаврилов.

– Матвеич и Степа? Конечно, я их прекрасно помню! Познакомился с ними, когда вместе из-под Клецка выходили. Моя третья «ходка», если память не врет. А потом ты их учил

«семьдесят вторым» управлять, когда мы дивизию Моделя чихвостили!

– Н-да... Были приключения... – кивнул Батоныч. – Нам бы сейчас сюда мой любимый танк... А лучше роту! Сейчас бы уже Гудериана на березе вешали!

– Да вы и без «Т-72» неплохо справились! И это я тебя не утешаю, а просто констатирую факт.

– Ладно, ладно... Лыстец! – Батоныч тоже шутливо толкнул меня кулаком в плечо. И мы снова синхронно поморщились от боли. – Вон уже твоя... гм... знакомая идет. Угрозило же девушку с тобой... гм... познакомиться...

Я обернулся. В какой-то хламиде защитного цвета (это такое платье?), перепоясанная брезентовым солдатским ремнем, в косынке на светлых волосах, в яловых сапогах сорок первого размера Светочка смотрелась... божественно! Прямо-таки глаз не оторвать. Немудрено, что при ее движении через толпу раненых воинов замолкали любые разговоры и головы «орлов» и «героев» немедленно поворачивались вслед за спустившимся на землю ангелом.

– Э-э-э... хм... давайте пойдем в мою палатку! – Чувствовалось, что на Батоныча тоже подействовала «женская магия» доктора медицинских наук. – Там и перевязку сделаем, и... потолкуем о... делах наших скорбных!

– Владимир Петрович, вы меня простите, но я только пять минут назад сообразила... Это ведь вы Герой Советского Союза генерал Бат! – смущенно сказала Светлана, глядя на Ба-

тоныча как-то... по-новому.

– В смысле? – оторопел мой друг. – Ну да, это, конечно, я... Героя пару месяцев назад дали за разгром Моделя.

– Я же местная... Родилась и училась в Минске. Так в детстве я ходила в школу имени генерала Бата, а после... гм... замужества переехала на проспект Генерала Бата. Вы же настоящий герой! Спасли город от неожиданного захвата немцами, что помогло эвакуировать почти все население. В младших классах нам про ваш бой рассказывали. А я и забыла, представляете? Вернее – не поняла сразу, не сопоставила, что генерал Бат – это вы! И тот самый бой – это же... сегодняшней бой, правда?

Последний вопрос, похоже, адресовался мне – Света глядела на меня и хлопала своими длинными ресницами.

– Тот самый, правда... – кивнул я.

– И Владимир Петрович действительно должен был сегодня погибнуть – я теперь все вспомнила! – дрожащим голосом сказала Светлана. – И про 1-ю гвардейскую танковую дивизию – тоже! В школе на первом этаже большой стенд висел – там на карте был боевой путь нарисован. И заканчивался он... – женщина наморщила свой лобик, – в Вашингтоне!

– Где? – охнул от удивления Батоньч.

– В Вашингтоне, Володя, в Вашингтоне! – усмехнулся я. – Будет Третья мировая война, наши танки дойдут до Миссисипи!

Батоныч поперхнулся:

– Виталя, ты мне это потом все подробно расскажешь, ладно? В спокойной обстановке! Надеюсь, ядрен-батомом не махали?

– Нет, обошлось! Амеры до него даже не додумались – просто некому было. Всех нужных людей из Европы сотрудники товарища Берии выдернули. А наши не стали применять, хотя были желающие среди генералов – Сталин не разрешил.

– И про это тоже расскажешь! Пошли! – Батоныч решительно, но галантно взял Свету под руку и повлек к штабу. На полпути он обернулся ко мне и спросил: – А Боря? Наш Очкарик? Он как? Выживет?

– Боря всех переживет! – ответил я и рассмеялся. – Войну закончит полковником. Кавалер многочисленных боевых орденов... Дважды Герой Советского Союза и Герой Социалистического Труда! Единственный в истории главный маршал войск связи! Лауреат Нобелевской премии в области физики, знаменитый поэт-песенник!

– Виталик, да ты гонишь! – в свою очередь, рассмеялся Батоныч. – Лауреат Нобелевки – могу поверить, голова у лейтенанта Карикова светлая, но... поэт-песенник? Сейчас он на «разбор полетов» явится – спросим, какие такие песни он сочинил!

– Маршал Кариков тоже здесь? – Света даже остановилась. – Мы его песни и в школе, и в институте пели – он ав-

тор более сотни произведений! Вот эта была моей любимой в институте...

И, подняв глаза к темному небу, доктор медицинских наук запела красивым сопрано:

Медленно ракеты улетают вдаль.
Встречи с ними ты уже не жди!
И хотя Америки немного жаль,
У японцев это впереди!¹⁶

Мы с Батонычем переглянулись и синхронно заржали. Сморкалова посмотрела на нас с возмущением.

– Это же гимн РВСН! Написан в середине Третьей мировой, когда все висело на волоске! – с каким-то надрывом в голосе сказала женщина.

– Прости, Света, но это... – я могучим усилием заставил себя прекратить смеяться. – Это...

– Хорошая песня! – вдруг серьезно сказал Батоныч. – Хоть и плагиат! Правда, кто настоящий автор – история умалчивает.

Военврач удивленно посмотрела на него и перевела взгляд на меня. Я пожал плечами, а генерал почесал в затылке здоровой рукой и сказал:

¹⁶ Шуточная армейская песня. Существует несколько десятков вариантов текста. В них последовательно уничтожаются США, Великобритания, Китай, Япония, Европа. Достается даже Австралии. Поется на мотив песенки «Голубой вагон» из м/ф «Шапокляк» (1974 г.).

– Колись, Виталя! Светлана имеет право знать – она теперь с нами в одной лодке, и, мне кажется, неспроста.

– Вы о чем? – Соболиные брови Сморкалой встали домиком. Впрочем, ее лицо тут же разгладилось, и Света сказала очень деловым тоном: – Давайте уже куда-нибудь придем и займемся вашей перевязкой!

– Простите, Светлана! – Снова галантно взяв красавицу под локоток, генерал повлек ее по узкой тропинке и буквально через три минуты вывел в расположение штаба. Быстро оглядевшись по сторонам, Бат кивнул на стандартную палатку, стоящую в общем ряду. – Милости прошу к нашему шалашу!

Обстановка в генеральской палатке оказалась спартанская – раскладушка, сколоченный из досок стол, заваленный картами. На пустом снаряжном ящике, изображавшем комод или бюро, стоял телефон – черный провод утягивался прочь. На центральном шесте висела керосиновая лампа типа «летучая мышь».

– Присаживайтесь. – Бат галантно предложил даме единственный табурет.

– Сами садитесь, – скомандовала дама, аккуратно пристраивая медицинскую сумку на углу стола. – Кто первый? Разоблачайтесь!

– Он, – указал я на Володю. – У него звание выше!

– Иди ты... – буркнул Батонич, но тут же стянул с себя куртку и присел.

Сморкалова быстро сняла с него самодельную грязную повязку, обработала рану, забинтовала по новой.

– Следующий! – скомандовала докторица, и мы с генералом поменялись местами.

– Легкая у вас рука, Светлана Алексеевна! – поблагодарил Бат.

Светлана улыбнулась в ответ, но как-то механически – ее внимание уже переключилось на мою рану. Пальчики запорхали над повязкой, снимая пропитавшийся кровью бинт... И вдруг красавица отрывисто спросила:

– Так что я имею право знать?

– Мы с тобой из разных миров, Света!

– Чего? – Сморкалова даже прекратила свои манипуляции.

– Я ведь тебе уже говорил, что проваливаюсь в прошлое не первый раз?

– Да! – кивнула Светлана, и ее пальцы вернулись к исполнению своих служебных обязанностей – принялись аккуратно отдирать присохший бинт.

– Так вот: я не из твоего мира в прошлое «проваливался»!

– Как это? – не поняла Светлана.

– После каждой моей «перезагрузки» я возвращаюсь в новый мир. И сначала я все потерял – друзей, работу, квартиру... Угодил в лапы бандитам... – при этих словах Батонич как-то смущенно кашлянул. – Но потом приобрел гораздо больше! А главное – история меняется в лучшую сторону от

раза к разу. В моем мире война закончилась в 45-м и погибло двадцать семь миллионов наших!

– Этого не может быть! – Света, услышав страшную цифру, снова замерла.

– Но это было! – с чувством сказал я. – И СССР у нас развалился в 1991-м... А-а! Много чего случилось, гадского и бл... к-хм... нехорошего... В сравнении с моим миром – у вас просто рай!

Сморкалова слушала как зачарованная.

– Получается так, что некая сила будто бы стремится закрепить такую историческую последовательность, в которой и СССР сохранится, и войну мы быстрее закончим, и потери сведем к минимуму! – вывел я. – А мы этой цели как раз и добиваемся. Сначала я один такой был, «закрепляльщик», потом нас трое стало, а теперь и ты здесь.

Светлана закончила пеленать мое плечо и сказала задумчиво:

– Цель вполне себе благая. Но что это за сила?

Я пожал плечами и сморщился от боли в ране.

– Понятия не имею!

Сморкалова молча кивнула. Я встал и принялся носком сапога отгребать в сторону окровавленные бинты.

– Виталь, а ведь я тебя вспомнил! – внезапно сказал Батонч.

– В смысле? – удивился я. – Так ты вроде не забывал!

– Нет, ты не понял... Я тебя... из прежней жизни вспом-

нил! – замялся Володя и продолжил, сопровождая свою речь большими паузами: – Представляешь – прикемарил я пару дней назад, когда мы в Брилевичах стояли... А до того дня три не спал – пока дивизию под Минск перебрасывали. И мне словно... пригрезилось... Но такая картинка яркая была, словно я это по-настоящему когда-то видел, а тут вдруг вспомнилось! Словно мы с тобой в каком-то большом помещении, похожем на канцелярию. Вот только я знал, что зовется оно смешным словом «офис». И ты сидишь за столом, заваленным какими-то бумагами вроде бухгалтерских, и со Сталиным по телефону разговариваешь. А вокруг стоит полдюжата мужиков и тебя слушают. И вроде бы я начальник над всеми вами. И вот разгоняю я их по своим рабочим местам, а тебе тихо говорю: будь у меня такая возможность, я бы такого...

– Насоветовал... – закончил я его фразу и в некотором обалдении добавил: – Этот случай действительно был... в моей первой реальности. Тогда звонок от Вождя поступил на мой служебный телефон, и я минут сорок Сталина инфой грузил, а услышав наш разговор, половина офиса сбежалась.

– Был, значит, такой случай... – Володя выдохнул с явным облегчением. – А то я уже подумал, что крыша от переутомления поехала! Тогда, может быть, и вторая картинка правдой окажется... Прошлой ночью, когда мы на рубеж атаки вышли, меня прямо в танке на пять минут сморило и... Увидел я, как мы с тобой сидим в большой брезентовой палатке.

И на нас какая-то странная военная форма, с накладными карманами на бедрах и рукавах бушлатов. На ногах вместо сапог – высокие ботинки, сплошь жирной коричневой грязью перемазанные. На плечах – какие-то хлястики, но с зелеными звездочками – у тебя по четыре маленьких, у меня по одной большой. Стол самодельный, чуть аккуратней, чем сейчас здесь стоит, а на столе бутылка пластиковая с разведенным спиртом и банка тушняка. И вот пьем мы спиртягу из жестяных кружек и по очереди из одной банки закусываем... А вокруг палатки – горы Кавказа! Это я почему-то точно знаю. И еще знаю, что рядом мои танки стоят и твои мотострелки.

– И это тоже было, Батонич! – потрясенно сказал я. – Мы с тобой в Чечне познакомились, в разгар второй войны. Ты, майор Российской армии, танковым батальоном командовал, а я, капитан, мотострелковой ротой. Мы почти полгода рядышком стояли, не раз так посиживали.

– Выходит, ты мне не соврал, когда сказал, что мы вместе воевали! – кивнул головой генерал.

– А ты до сих пор сомневался? – хмыкнул я.

– В общем, нет, конечно... – смутился Бат. – Но одно дело – выслушать рассказ, а другое – увидеть собственными глазами. Хотя и во сне!

– Война на Кавказе? В Чечне? – с любопытством спросила Света. – Это как вообще такое может быть? Я там была несколько раз, в отпуск ездила – там очень милые и госте-

приимные люди живут!

– Да уж... милые... – грустно вздохнул я. – У нас они в начале девяностых годов прошлого века независимость от России объявили. И после первой войны Россия их независимость признала. Но этого им показалось мало, и через несколько лет они напали на соседей – дагестанцев. Так вторая чеченская война началась...

От неприятных воспоминаний меня отвлек раздавшийся снаружи палатки жизнерадостный голос:

– Тащ генерал, разрешите?!

Входной полог хлопнул, и в освещенный керосинкой круг света как-то бочком влез Очкарик, сразу заполнив, как показалось, половину внутреннего объема.

– О, так у вас, тащ генерал, гости? Добрый вечер! Эге, да ведь это товарищ Дубинин! Какими судьбами, Виталий Дмитрич?

– Здорово, Боря! – Я протянул здоровяку руку. – Рад тебя видеть, дружище! Вот, познакомься: поклонница твоего поэтического таланта – Светлана Алексеевна Сморкалова.

– Оч-чень приятно! – пророкотал Кариков.

Женщина церемонно кивнула будущему маршалу и лауреату и сказала даже как будто с некоторым испугом:

– Не ожидала, честное слово!

– Чего не ожидали? – оторопел Очкарик.

– Не ожидала, что в жизни вы такой... громадный! – объяснила Света. – На фотографиях вы выглядите... гораздо бо-

лее...

– Маленьким? – съехидничал Батонич.

– Нет, нормальным! – добавил я со смешком. – Я видел те фотки – он там на человека похож!

– Простите... Борис Ринатович, – смутилась Светлана, – неправильно выразилась. Просто я... не ожидала вас здесь встретить...

– И вы меня простите, Светлана Алексеевна, но... я вас не припоминаю! – почесав лоб над бровью, сказал Очкарик.

– Немудрено, Боря, она с тобой заочно знакома, как поклонница твоего таланта! – продолжал прикалываться Бат.

– Вы вообще о чем? – Кариков недоуменно обвел нас взглядом.

– Дело в том, что Светлана Алексеевна не местная! – усмехнулся генерал. – В смысле – не из этого времени! Она с Виталием Дмитричем сегодня утром к нам... «провалилась» из будущего!

– А там, в будущем, ты известен как поэт-песенник, автор сотни произведений! – добавил я.

– Поэт? – Кариков смущенно зарделся. – Я как-то... не ожидал... Неужели в будущем стали известны мои стихи? Рад, очень рад! – Тут он смолк, рдея еще пуще.

– Кончай ножкой шаркать, песенник ты наш, – ворчливо сказал Бат. – Небось все тексты у Высоцкого содрал? Или еще и Окуджаву окучил?

– Кого? – удивление Очкарика было искренним. – Первый

раз слышу...

– Не знаешь Владимира Высоцкого и Булата Окуджаву? – в свою очередь, удивился генерал и повернулся ко мне: – Прикинь, Виталь, святые имена забывать стали!

– Володь, а ведь он может быть прав! – после небольшой паузы ответил я. – Он ведь с нами в крайнюю экспедицию тоже из СВОЕГО мира стартовал! В котором история после нашего памятного вмешательства по-другому пошла! Вполне может быть, что не было там никакого Высоцкого. Может, не родился, а может, бог таланта не дал.

– Как это – не родился? – оторопел Батонич. – Ты думай, что говоришь! Он, насколько мне помнится, из довоенного поколения!¹⁷

– Не помню, Володь! Да и не интересовался я этим! И музыкой ТОГО мира я тоже не интересовался, не до того было! Мы в такой дикой спешке готовились...

Неожиданно Светлана мелодично продекламировала:

Зачем, зачем веревочную лестницей в мое окно
Идет зима и накрывает снежной пеленою белое вино?
Вино озер... В них отражение весны!

– Хм... вот это точно не Высоцкий! – удивленно сказал Бат.

– И не Окуджава! – добавил я. – Светлана, неужели это...

¹⁷ Владимир Семенович Высоцкий родился в 1938 году.

– Это мои стихи! – тихо произнес Кариков.

– Да ты реально крут, мой юный друг! – Батоныч хлопнул Бориса по плечу здоровой рукой. – А еще Виталий Дмитрич сообщил, что после войны, которую ты закончишь полковником, ты сделаешь головокружительную карьеру – дослужишься до звания главный маршал и получишь Нобелевку по физике!

Мне казалось, что гуще покраснеть у Бориса уже не выйдет... Ан нет! Вышло! Лицо Карикова приобрело какой-то запредельно-пунцовый цвет, и мне даже показалось, что в полутемной палатке стало гораздо светлее.

– Ладно, Володя, хватит нашу будущую мега-звезду смущать!

– Да, ты прав, Виталь... – кивнул Батоныч, явно наслаждаясь смущенным видом своего молодого друга. – Не будем пока про будущее, давай про настоящее! Скажи мне, товарищ старший лейтенант, что за фигня творилась сегодня в эфире? Почему мои командиры не могли связаться между собой?

– Но ведь вы, товарищ генерал, всех слышали и всем могли команду дать! – вытянувшись по стойке «смирно», сказал Кариков.

– Я – да! Но почему на других частотах сплошной треск морзянки стоял? Комбаты почти не слышали командиров полков. Я уж молчу про ротных!

– Так, товарищ генерал, немцы ведь тоже не дураки и

быстро перенимают передовой военный опыт! – скривился, словно куснул незрелый плод хурмы, наш будущий маршал войск связи. – Видят, что мы их забиваем, ну и кинули нам ответочку – чуть не сотня их радистов работали телеграфными ключами на наших частотах. Как мне сказали наши радиоразведчики – просто матерились открытым текстом, суки! А один, видимо самый умный, блин, какую-то поэму Хайнриха Хайне ключом долбил.

– Чью поэму? – переспросил Бат.

– Володь, Хайнрихом Хайне эти дикари называют Генриха Гейне! – усмехнувшись, пояснил я.

– Ладно, Борис Ринатович, считай: соскочил! – недовольно поджал губы генерал. – Что хочешь с немцами делай: хоть поэму Пушкина им ключом долби, хоть русским матом крой, но чтобы в следующий раз мои ребята могли спокойно между собой общаться, вплоть до рассказывания анекдотов!

– Хорошо, попробуем... – пожал плечами Кариков.

– Не слышу, товарищ старший лейтенант! – рявкнул Бат.

– Есть, товарищ генерал, все будет исполнено! – снова вытянулся во фронт Очкарик.

– Ну вот... Совсем другое дело! – смягчился грозный комдив. – Давайте быстро по стопочке за новую встречу и новое знакомство пропустим! А то через полчаса командиры полков на разбор полетов явятся.

На столе зазуммерил телефон. Батонич взял трубку.

– «Высокий» у аппарата!

– Добрый вечер, Владимир Петрович! – Голос говорившего доносился из динамика, словно из автомобильной колонки – громко и отчетливо. – Константинов¹⁸ вас беспокоит.

Батоныч как-то сразу подтянулся, выпрямился и, повернувшись к нам, прошептал одними губами:

– Сталин говорит!

Кариков и я тоже выпрямились, даже Светлана как-то внутренне подобралась.

– Здравия желаю, товарищ Константинов!

– Рад, что ви вижили, Владимир Петрович! Но мне доложили, что ви ранены?

– Пустяки, товарищ Константинов, просто царапина! Спасибо за беспокойство!

– Это вам спасибо, Владимир Петрович! Я знаю об успехе вашей... воинской части. Простите, что не могу поздравить по всей форме – меня предупредили, что по этой линии лучше не говорить лишнего. Потом по ВЧ подробно мне расскажете, что и как, хорошо?

– Хорошо, товарищ Константинов!

– А за свою... жизнь... – Сталин сделал паузу, – благодарите нашего общего товарища, Виталия Дмитрича...

– А он здесь!

– Ага! Очень хорошо. Передайте ему трубку.

– Сначала я! – внезапно заявила Светлана и вырвала труб-

¹⁸ Константинов – один из «позывных» Верховного главнокомандующего в годы войны.

ку у оторопевшего Батоньча. – Здравствуйте, товарищ Ст...
гм... Константинов! С вами говорит та самая «милая барышня», с которой вы беседовали этим утром. Меня зовут Светлана. Пока мы ждали... Ба... гм... Владимира Петровича, я решила помочь местным медикам в госпитале. Там ужас что творится! Это совершенно недопустимо и просто безнравственно! Во всем госпитале я не нашла ни единой ампулы пенициллина! А вы знаете, сколько раненых я прооперировала за последние два часа? Восьмерых! Но только пятерым из них удастся выжить, а еще трое умрут – только потому, что на склад не завезли обычный, примитивнейший пенициллин! Кто-то должен за это ответить! Кто вообще за это отвечает? Начальник медицинской службы армии? Кто?!

Сталин нисколько не разозлился.

– Милая барышня, – сказал он глуховато, с прорезавшимся грузинским акцентом – вождь волновался, – нэ ругайте начальника мэдслужбы. Я знаю, что такое пенициллин, но вся беда в том, что в СССР его нэт¹⁹. Он имеется у англичан, но эти союзнички нэ торопятся делиться с нами подобными разработками.

– К-как? – прошептала ошеломленная Света. – Вообще нет? О господи... Простите меня, раскричалась тут... Но... как же без антибиотиков? Без них будут просто чудовищные

¹⁹ В СССР первые образцы пенициллина получили только в 1942 году микробиологи З.В. Ермольева и Т.И. Балезина. В Англии его впервые получил Александр Флеминг в 1928 году. Массовое производство было налажено в 1940 году.

потери!

– Товарищ... Светлана... – в голосе вождя послышалась вкрадчивость. – Ви, я так понимаю, тоже из бу... в смысле попали к нам вместе с Виталием Дмитричем? Ви врач?

– Да! – грустно кивнула Светлана. – Доктор медицинских наук.

– А вот ви и займитесь пенициллином! И прочими медицинскими делами. Кто лучше вас разберется в том, как лечить раненых бойцов!

– А, ну хорошо, – пробормотала Светлана, – я согласна...

– Вот и отлично! А теперь передайте, пожалуйста, трубку вашему... гм... другу!

Глава 4

8 сентября 1941 года, СССР, Москва, завод № 51 НКАП СССР

Поликарпов проснулся рано, можно сказать, на заре. Лег он поздно, но выспался, даже удивительно. Ну, как выспался... Тело все еще умоляло поваляться, а мозг уже вошел в рабочий ритм, требуя задач.

Николай Николаевич осторожно поднялся – для сна он воспользовался стоящим в кабинете жестким диваном, на котором легко получить травму позвоночника. Впрочем, Лавочкину не досталось и такого ложа – пришлось устроиться на четырех сдвинутых вместе стульях. И ведь спит же!

Поликарпов, стараясь не шуметь, сложил плед, плеснул из графина в ладонь и омыл лицо. Сразу полегчало.

Присев на подоконник, он выглянул на заводской двор, уговаривая себя не спешить. Вот, дескать, пусть сначала Семен проснется, а потом и за работу... Ох и слаба плоть...

Николай Николаевич бездумно оглядел кабинет. Стол, заваленный чертежами и «синьками», кульман в углу, портрет Сталина на стене...

Поликарпов спокойно смотрел на вождя. Вождь был орел. Всем бы подчиненным Иосифа Виссарионовича хоть толику сталинского ума – и не о чем было бы мечтать более. Увы.

Советская Россия быстро прирастала образованными людьми, но вот на самый верх подчас поднималась всякая шушера, грязная пена. И это не брюзжание, натерпелся просто...

Николай Николаевич поневоле улыбнулся. Ему ли, человеку глубоко верующему, говорить о терпении? Когда его арестовали, обещая расстрелять, а потом сопроводили в Бутырку, он воспринял это как испытание. Потом, правда, обычная ретивость и кровожадность низшего звена была убавлена сверху – его и других конструкторов собрали в ЦКБ-39. Это была та же тюрьма, но ее мозговитым узникам было позволено думать и творить.

Всякое бывало. С Туполевым он разругался, зато с Ильюшиным и Сухим сработался. Потому, наверное, что они не вмешивались в его задумки. А когда он создал «И-16» и сам Чкалов пролетел на нем в Первомай, Сталин сразу отметил самолетик.

С этого момента начался взлет и самого Поликарпова.

Спустя несколько дней после парада его наградили орденом Ленина – «за выдающиеся заслуги в деле создания новых высококачественных конструкций самолетов». Немного позже он стал депутатом Верховного Совета СССР, директором и главным конструктором вот этого завода, получил Звезду Героя Социалистического Труда и Сталинскую премию 1-й степени...

Вот говорят, что Сталин жесток. Это неправда. Вождь –

жесткий человек, не прощающий ошибок. Ни себе, ни людям.

Если ты добился чего-то, то честь тебе и слава. Провалил дело? Извини – с вещами на выход. Или к стенке...

Тут вера христианская вступала в спор с отточенным умом инженера. «Не убий!» – заповедь важнейшая, верно, но как можно было миндальничать в стране, где не только народное хозяйство, но и нравы, законы, обычаи претерпели отчаяннейшую разруху?

Крестьян загоняли в колхозы силком? Ну так правильно – добровольно они бы не пошли! А товарное производство только крупное предприятие обеспечить может. Да и не это было главным в коллективизации. Главное – оторвать землепашцев, мучающихся на крохотных наделах, от земли и направить на ударные стройки, на заводы и фабрики. Там от них будет гораздо больше пользы! Да и где еще рабочую силу найдешь?

Или прикажете церемониться с «красными маршалами», молившимися на Троцкого? Да если бы наверх не Иосиф Виссарионович вышел, а Лев Давыдович, все бы сейчас в трудовых лагерях вкалывали, как мечталось «Льву революции»! Адольф Гитлер устыдился бы своего слюнявого гуманизма рядом с Лейбой Бронштейном!

Да и разве от власти приходилось терпеть поношения? Нет! Доносы, помехи, подлоги – этим увлеченно занимались «друзья и коллеги»... Вовсе не даром интеллигенцию зовут

прослойкой! Так и есть! Стоило ему уехать в командировку в Германию, как из его КБ вывели самых толковых спецов, организовав новый конструкторский отдел для Микояна, и передали туда поликарповский проект самолета «И-200», вскоре переименованного в «МиГ-1».

Десятки лучших конструкторов перешли к Микояну и Гуревичу! Одни сами ушли, других приманили «пряниками» или застращали. В открытую говорили: «Поликарпова все равно расстреляют! Он же поп, крест носит! И кто вас тогда защитит? А у Микояна брат наверху...»

Он стерпел и это. Да и что тут поделаешь?

Занимая высокий пост, Поликарпов не вступил в партию, зато всегда носил крест – его так и прозвали, «крестоносцем». Какое же тут будет к нему отношение руководства? Сложное, мягко выражаясь...

И вот новый подъем, новая волна в его жизни. Он уже не надеялся протолкнуть свой «И-185» через толпу завистников, когда вдруг его вызвали в наркомат и предложили поработать «дуэтом» с Лавочкиным.

«Имеется постановление правительства о срочном запуске в серию истребителя «ЛаГ-5» на заводах № 21 в Горьком и № 51 в Москве, – объяснил Шахурин. – Более того, осенью предполагается снять с производства «Яки» в Саратове и Химках – там тоже станут собирать самолеты конструкции Лавочкина – Гудкова».

Радости было...

Гудков, правда, больше не участвовал в разработке истребителя, а переименовывать название самолета в «ЛаП-5» Поликарпов не разрешил. Тем более что ему твердо пообещали: как только новый двигатель будет готов, сразу на двух авиазаводах начнется сборка «По-7», того самого «И-185»...

Пока, дескать, надо на «Ла-5» налечь, поскольку его выпуск сразу можно наладить на заводах, строивших «ЛаГ-3» – сохранялась технология и большая часть оснастки. Зато потом...

Заскрипели стулья, послышался стон, и Лавочкин с криком сел, спуская на пол ноги в толстых вязаных шерстяных носках.

– Сколько времени? – сипло спросил Семен.

– Рано еще, – бодро ответил Николай. – Жена вчера яиц свежих передала... Может, яишенку? М-м?

– С удовольствием! – плотоядно улыбнулся Лавочкин.

Постанывая, он оделся и посетил удобства. Вернулся освеженным, хотя и встрепанным. Зеркало и расческа привели его в полный порядок.

– Готов к труду и обороне! – отрапортовал Лавочкин, усаживаясь за дубовый стол с монументальной бронзовой чернильницей. Мечта бюрократа.

Разбивая яйца над скворчащей сковородкой – электрическую плитку он тоже из дома притащил, – Поликарпов подумал, что его опасения насчет Семена Алексеевича не оправдались. И слава богу!

Двум начальникам тесно на одном предприятии, а двум конструкторам сложно ужиться в одном КБ. Тут надо постоянно идти на компромиссы и ставить общее впереди личного. Лавочкин умел принять чужое превосходство, не настаивая на собственных идеях по принципу «пусть хуже, но по моему!»²⁰.

Да и самому Поликарпову, хоть и признанному «королю истребителей», приходилось признавать за Лавочкиным свежесть и неординарность решений.

– Готово!

Самое известное холостяцкое блюдо было поделено поровну.

– Давно яичницы не едал... – высказался Семен, радостно потирая руки. – А хлеб есть хоть?

– Полбуханки!

– Живем...

Доедая свою порцию, Поликарпов сказал:

– Посчитал намеренно, какова должна быть мощность мотора, чтобы самолет достиг скорости звука...

– Ну-ка, ну-ка! Что получилось? – заинтересовался Лавочкин.

– Получается, что двигатель должен стать мощнее в шесть раз.

²⁰ Так было и в реальной истории. К примеру, когда Лавочкина попросили сравнить его «Ла-11» и только-только появившийся «Як-9», то Семен Алексеевич объективно признал преимущество новой реактивной техники, хотя она на тот момент была ненадежна.

– Это нереально! – вынес вердикт Семен.

– Нереально, – согласился Николай, – если использовать поршневые моторы. Все, мы выжали их ресурс полностью! Мой «сто восемьдесят пятый» однажды развил семьсот километров в час, но это предел. Прибавка еще трехсот не удастся никому. Пора переходить на реактивную тягу.

– А-а... Вот ты куда клонишь... Смотрел вчера те секретные документы?

Поликарпов кивнул:

– Английский «Глостер-Метеор» развивает у земли скорость в девятьсот сорок километров. «Хейнкель-178» выдает семьсот, но у него тяга втрое меньше. Буквально вчера я набросал проект подобного самолетики²¹. Так, эскизно... По моим прикидкам, километров восемьсот в час он выдаст, но это, если использовать ракетный двигатель... Тогда топлива моему самолетику хватит минут на десять-пятнадцать. Это несерьезно. Короче говоря, все утыкается в один вопрос: где нам взять нормальный турбореактивный двигатель с хорошей тягой? Люлька разработал очень даже интересную схему двухконтурного ТРД, даже опытный образец, по-моему, изготовил, с осевым компрессором. Но все равно готового двигателя нет! А без него и самолета не будет...

Лавочкин хмыкнул. Аккуратно подобрав остаток яичницы кусочком хлеба, он сжевал его, вытер пальцы и достал из сейфа красную папку с пугающими грифами секретности.

²¹ Самолет «Малютка». Разрабатывался в КБ Поликарпова в 1943–1944 годах.

– Погляди, – сказал он негромко.

Поликарпов поглядел – и сердце его забилось чаще. В папке были собраны черно-белые иллюстрации на отличной бумаге – фотографии реактивных самолетов, схемы, двигатели в разрезе.

Николай облизал пересохшие губы – он держал в руках настоящее сокровище, бесценный плод чьих-то стараний и трудов. Да любое КБ, поставив себе задачу создать самолет на реактивной тяге и получив эту вот папку, сразу сэкономит несколько лет проектирований, опытов, испытаний!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.